

Этот поезд
никуда
не придет

Л И Н Д А С А У Л Е
ФЕРРАТОСТО

INSPIRIA

Novel. Любовь вне времени

Линда Сауле

Феррагосто

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сауле Л.

Феррагосто / Л. Сауле — «Эксмо», 2017 — (Novel. Любовь вне времени)

ISBN 978-5-04-190783-9

Реальная городская легенда Италии находит свое развитие в увлекательном романе Линды Сауле: жарким августовским днем праздничный поезд исчезает в загадочном туманном облаке, унеся с собой самых знатных горожан и даже дону мафии. Десятки лет спустя молодой журналист возьмется за расследование, гадая, почему все ведут себя так, будто поезда-призрака никогда не существовало.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190783-9

© Сауле Л., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Линда Сауле Феррагосто

© Сауле Л., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Л И Н Д А С А У Л Е

ФЕРРАГОСТО

INSPIRIA

Москва
2023

Посвящается Нане

Глава 1

Рим, Италия. 1972 год

Раннее утро расправляло затекшие плечи, чтобы принять в свои объятия еще один посредиземноморски знойный день. Карло вышел из подъезда, хлопнув покосившейся дверью, гулко окликнувшей его на прощание. Он зашагал по безлюдной улице с утренними тенями, поглядывая на часы, крепко сидящие на кожаном ремешке. Он знал, что не опаздывает, прийти на станцию вовремя было бы дурным тоном: итальянские поезда славились непунктуальностью. На станции Гарбателла он повстречал парочку знакомых, от которых узнал незначительные новости, собранные предыдущей ночью за кружкой пива в одной из забегаловок этой рабочей окраины Рима.

Послышался стук колес. Люди оживились, нехотя поднимаясь с лавок. Поезд приблизился и, мерно постукивая, без остановки прошел мимо станции.

– Черт возьми, в депо, наверное, идет, – пробормотал старик, стоявший рядом. – Ну прямо поезд-призрак.

– Что еще за поезд-призрак? – спросил Карло.

– Старая история. В Ланцио еще в начале века пропал целый поезд. Три вагона.

– Пропал? Как поезд может пропасть?

– Это мне неизвестно, – буркнул старик. – Знаю только, что заехал в туннель и исчез в темноте. Ну ты даешь, парень, да любой ребенок эту историю знает!

– А пассажиры, они тоже пропали?

– А то! Сгинули с концами, и баста!

Карло шагнул к краю платформы и посмотрел на убегающие вдаль рельсы. Вздвогнувшись от громкого гудка, он отступил: шел еще один поезд. Состав с шипением остановился, резко дернувшись напоследок. Встав на подножку, Карло окинул взглядом сонных пассажиров, которые не спеша погружались в пока еще прохладное железное нутро. Поезд тронулся, увозя с собой рабочий люд навстречу очередному тяжелому дню на фабриках и заводах. Две монахини, смиренно потупив глаза, разместились на сиденьях напротив. В руках у одной была старенькая Библия, она держала ее, как мать ребенка, легким сплетением пальцев образуя нерушимую связь. Карло откинулся на жестком сиденье и закрыл глаза. «Поезд-призрак. Мог ли целый состав испариться? Нет, старик просто спятил, поверил в одну из детских баек, – подумал Карло, плавая на поверхности утренней дремы. – Все это сказки. Так не бывает. Не бывает». И он провалился в сон.

* * *

Со станции Термини Карло напрямик отправился на работу в редакцию. Солнце накаляло воздух на виа Национале. Оно бросало все более смелые лучи на фасады зданий, на балконы с цветными палантинами, пробиралось под подоконники нижних этажей. Из сумрачных арок все еще выпархивали свежие дуновения ночи, охлаждая кожу. Но Карло знал, что уже через пару часов и вплоть до самого вечера везде будет править зной. Свернув на виа дей Кондотти, он пошел мимо магазинов и кафе. Их владельцы привычными движениями раскручивали шланги, чтобы отмыть мостовую перед входом. Со стороны церкви Тринита-деи-Монти слышался переливчатый звон колоколов.

Вскоре он подошел к редакции. Здание казалось заброшенным, первый этаж щетинился заколоченными окнами – немое свидетельство быстро распространявшегося вируса безработицы. Карло вбежал по скрипучим ступеням и толкнул дверь в контору. За полгода работы

он успел привыкнуть к запаху бумаги, кофе, сигаретного дыма и пота, и теперь этот запах настраивал его на рабочий лад, словно рефлекс у собаки, заставлял подбираться тело и стучать сердце. Внутри было шумно и светло. Сновали газетчики, потрясая над головой бумагами, стенографистки отбивали ритм на пишущих машинках, в чашках плескалось кофейное топливо – все как обычно. От дыма слезились глаза. Карло пришлось вытащить пачку «Эмбасси» и закурить.

– Никотин – лучшие чернила, – пробормотал он, затаившись, и стал протискиваться к своему столу.

Уже издали он заметил на нем какие-то бумаги. Опять кто-то оставил для него очередную чепуху, от которой веет мертвечиной за несколько метров. Не таких сюжетов он ждал, когда пришел работать в редакцию. Он хотел писать о вечной красоте Рима, о прекрасных кинодивах, вальяжных бизнесменах, о гордых жителях и равнодушной молодежи, мечтающей преобразить великий город. Вместо этого он оказался на темной стороне. Изнанка Рима – то, что никогда не обсудят за семейным ужином, чтобы не спугнуть сон ребенка, стало реальностью Карло. Реальностью, которая встречала его каждое утро и, будто измученная ожиданием дева, падала в руки, как только он появлялся на пороге. Убийства, бандитские разборки, кражи, финансовые махинации, стычки демонстрантов, проституция и черт знает что еще. Однако именно эти преступления и позволяли ему оставаться в конторе. В разгар безработицы нигде не ждали неопытного журналиста, только осваивающего силу пера. Но Карло верил: рано или поздно он напишет материал, достойный первой полосы.

– Эй, детектив, кофе будешь? – пухлый Джузеппе возник за спиной Карло и протянул ему кружку дымящейся Барберы, лучшего конторского кофе «для своих».

– Давай. Что опять стряслось? – спросил Карло, запуская руку в густую шевелюру и кивая на бумаги на столе. – Почему Рим не может спокойно спать по ночам?

– Изнасилование американской гражданки. Кто-то из радикальных группировок постарался, ничем не брезгуют, мерзавцы.

– К нам и так никого сахарной ватой не заманишь, а тут еще такое.

– Да уж, туристам подавай гастрономические туры, сентиментальные поездки по побережью, а в наш духовой шкаф никто ехать не хочет, так что не вздумай нагонять еще больше тоски.

– Да куда уж больше!

– А я говорю тебе: незачем создавать лишние проблемы. Рим – прекрасный город, и, если в нем находится парочка подонков, это не значит, что все его жители такие.

Внезапно в офисе стало тихо. Замер дробный стук машинок, притихли голоса, остался лишь звук тяжелых шагов, сотрясающих пол, и Карло увидел шефа редакции. С его обычно приветливого лица, казалось, стряхнули все эмоции, плотно сжатые губы напоминали застарелый шрам. Тяжелая шея начальника утопала в широких плечах под добротным, но помятым пиджаком. Не глядя ни на кого вокруг, синьор Аффини прошел мимо Карло, и до парня донесся сильный запах спиртного. Когда массивная фигура скрылась за дверью кабинета и в комнату вновь вернулись звуки, Карло произнес:

– Кто-то провел бессонную ночь!

– Ma dai!¹ Просто держись от него сегодня подальше.

– Даю голову на отсечение, дома он не ночевал, – усмехнулся Карло, памятуя запах алкоголя.

– Тут дело в другом. Сегодня годовщина со дня... – Джузеппе помедлил. – Тебе разве еще никто не растрепал? А, ты ведь еще у нас не работал тогда. В общем, год назад пропала его

¹ Да брось ты! (итал.)

дочка. Мы писали об этом, материал пошел на первую полосу, я хорошо запомнил тот день. Шеф потом еще месяц никому спуска не давал, будто озверел.

– Ее не нашли?

– Ни следа. Она ушла в школу как-то утром, и больше ее никто не видел.

– Merda. Что могло с ней случиться?

– Ты же ведущий криминальной колонки, сам бы мог догадаться!

– Думаешь, она могла сбежать от отца?

– В одиннадцать лет?

– Не хочется думать, что с девочкой случилось что-то страшное, – задумчиво произнес

Карло.

– Только ты, главное, боссу об этом не ляпни. Зачем он вообще на работу пришел!

Ладно, братишка, чао, мне пора бежать. Социалисты сегодня снова бастуют, нужно их отснять для вечернего номера. Удачи с иностранкой!

– Чао, Джузеппе.

Карло уселся за стол. Растрескавшаяся поверхность словно поджидала, чтобы занозить ему руки. Он с осторожностью взял бумаги и прочитал полицейский отчет, по данным которого выходило, что некая американская гражданка, фотограф, прибыла в Рим для работы. После дня, проведенного вместе с демонстрантами, она решила продолжить знакомство с городом и отправилась снимать ночные улицы. Свидетели видели ее в одном из баров, куда она зашла сделать парочку кадров.

Карло постучал карандашом по столу и закрыл глаза. Представлять место преступления было его «фишкой». Только так он мог взглянуть на происшествие изнутри, находя скрытые под безликими отчетами мотивы. Карло привычно «отключил» конторский шум и перенесся в ночной бар, забитый посетителями. Он попытался разглядеть среди толпы иностранку – диковинную птицу, залетевшую на птичий двор. Он обернулся вместе с несколькими мужчинами вслед молодой женщине в обтягивающих джинсах с дерзким клешем, увидел, как тонкие руки придерживают висящий на груди фотоаппарат. Он напрягся, чтобы разглядеть лица двоих неизвестных и подслушать, какие напитки они заказали. Но никак не мог продвинуться дальше, картинка дробилась на части. Карло пытался удержать их вместе, продолжая следовать за троицей. Куда они держали путь? Знала ли молодая женщина, чья доверчивость после этой ночи никогда не будет прежней, кем были ее спутники на самом деле? Почему она не побоялась покинуть безопасное место? Хотела ли она продолжить работу или просто развлечься?

Но вопросы не помогали. Навязчивый стук сбивал с толку, отвлекая внимание. Тот же звук, что он слышал сегодня утром на станции. Карло огляделся по сторонам и снова закрыл глаза. Стук не прекращался. И когда он прислушался – перед глазами появилась картинка, а звук обрел наконец форму. Он увидел поезд – величавую железную машину – так ясно, словно тот находился на расстоянии вытянутой руки. Поезд, которому не суждено было добраться до конечной станции и который вез пассажиров, каждого из которых ждали на перроне с праздничным волнением, с замиранием сердца. Карло наблюдал вереницу лиц, подсвеченных ожиданием, вот дети вглядываются в даль в предвкушении истории, которую им расскажет прибывший дядюшка, вот женщины поправляют шляпки, продавец разносит напитки, мужчины курят, расположившись в тени перрона. Но вот лица меняются. Сначала на них появляется нетерпение, потом недоумение. Мужчины хмурят брови, женщины кусают губы. Следом приходит страх. Словно заразная болезнь, он передается от одного к другому, изменяя прекрасные лица, превращая в искаженные маски, не позволяющие узнать друг друга. Паника разливается по станции, слышатся возгласы, плачет чей-то ребенок. Карло резко открыл глаза. Голова кружилась. Образ пострадавшей американки окончательно исчез, обиженно растворившись в спертом воздухе офиса.

Карло поднялся и направился в маленькую кухню на задворках редакции и, войдя, увидел Бьянку, помощника редактора, которая возилась возле стойки.

– Чао, Бьянка.

– Чао, Карло, – улыбнулась она. – Как жизнь?

– Поживем – увидим. Бьянка, скажи, ты что-нибудь слышала о пропавшем поезде в Ланцио?

– Поезд-призрак? Конечно, кто же о нем не слышал! – воскликнула она и, взглянув на смущенное лицо Карло, расхохоталась. – Не может быть, ты и вправду о нем не слышал?

– Ты же знаешь, я вырос не в Риме.

– Бедняга, – она ласково потрепала его по щеке. – Мое детство было бы во сто крат беднее без поезда-призрака. Помню, как мы бегали по путям в поисках таинственного состава и хотели запрыгнуть в него, чтобы спросить пассажиров, куда они направляются? А чего ты вдруг заинтересовался этой историей, это вроде как и не новость вовсе. Дело-то давнее.

– Не знаю, как объяснить... – Он замешкался. – Мне не дает покоя мысль о том, что, возможно, и правда случилось какое-то происшествие... Ну, то, после которого появилась эта легенда.

– А кто тебе сказал, что это легенда?

– Что ты имеешь в виду?

– Эта история – не выдумка, – проговорила она, сосредоточенно нарезая овощи. – Поезд-призрак действительно существовал. Вот только он не был призраком. Это был самый настоящий поезд, который пустили по рельсам в первый раз. И после того, как въехал в туннель, он пропал.

– Это не вымысел? – потрясенно спросил Карло.

– Я не могу точно сказать, что на самом деле случилось, в этой истории много таинственного. Разное рассказывают, но что из этого правда, а что – нет, я не знаю. Ты не думал сходить в библиотеку и покопаться там? Если найдешь что-то стоящее, может, тиснем на полстранички.

– Ты меня отпустишь сегодня?

– Вепе. Думаю, у тебя в запасе есть несколько часов. Только сдай вовремя текст для колонки.

Прощавшись с Бьянкой, Карло сразу же отправился в центральную библиотеку, чувствуя, что впервые за долгое время его сердце переполнено вдохновением.

Рим шумел. Этот город не умел просыпаться тихо. Разноцветными жуками проносились малолитражки, трамваи ввинчивались в повороты, рассыпаясь трелями, жители Вечного города не спеша шагали на randevu с традиционной чашечкой кофе в любимом кафетерии. Карло дождался нужного трамвая и запрыгнул на подножку. Он снял солнцезащитные очки и вытер платком переносицу. Ветер, залетевший в открытое окно, моментально осушил тонкие черты лица, делавшие его похожим скорее на популярного киноактера, нежели журналиста. Хоть он и не мог похвастать статусом местного жителя, но все же с улыбкой гостеприимного хозяина взирал на любопытных туристов с фотоаппаратами наперевес, что, точно дети в конфетной лавке, глазели по сторонам, неспособные выбрать, куда им идти в первую очередь: к Испанской лестнице или фонтану Треви. Рим! Карло любил этот город. Любил его днем, в ярких пятнах лавчонок с россыпью фруктов и связками пахучей зелени, любил его ночью, когда вино густеет в романтическом сумраке и каждое лицо кажется знакомым.

Через две остановки Карло спрыгнул с трамвая. Колледжио Романо, где располагался центральный библиотечный архив, встретил его белеными наличниками окон, похожих на бойницы: достаточно широкие, чтобы впускать свет внутрь, но не вполне просторные, чтобы причинить вред драгоценным документам и фолиантам. По-южному утопленные в глубь здания, они оставались в тени даже в самый жаркий полдень. Карло уверенно вошел внутрь. Минуя

гулкий холл и лекционные аудитории, он прошел по коридору в библиотечный зал. Там сидели люди, которые не то спали, не то настолько глубоко ушли в чтение, что почти лежали на своих столах. Все стены в обозримом пространстве были заставлены шкафами с застекленными полками. Повсюду стояли книги.

Карло подошел к стойке.

– Доброе утро, синьорина, – окликнул он девушку, заполнявшую формуляр. – Я хотел бы получить доступ к некоторым архивным материалам. Я журналист, газета Settembre.

– Доброе утро, синьор, – откликнулась она приятным голосом. – Можно ваше удостоверение?

Карло протянул документ. Девушка поинтересовалась, что именно ему нужно, а получив ответ, поднялась и позвала за собой. Они оказались в царстве картотечных шкафов. Небольшие ящики щерились окошками с цифрами и датами, проставленными аккуратным почерком. Воздух в помещении казался свежим и сухим, чувствовалось, что необходимый климатический баланс здесь неукоснительно поддерживался.

– Еще раз, синьор, какой год вас интересует?

– Я не уверен. Возможно, 1910-й. Давайте начнем с него. Просмотрю газеты с этого периода, вдруг попадется что-то ценное.

– Что конкретно вы ищете, синьор?

– Информацию о происшествии, которое, возможно, имело место в начале столетия. Пропавший поезд в Ланцио. Слышали о таком?

– А-а, да, это у нас здесь, – буднично ответила она и уверенно прошла к одному из шкафов. Ловкими пальцами быстро перебрала картонные прямоугольники и, выудив один, сказала: – Тысяча девятьсот одиннадцатый год. День я не помню. Вам придется просмотреть все выпуски за это время.

Окрыленный столь быстрым успехом, Карло пробормотал слова благодарности, не отрывая глаз от кип газет, которые девушка одну за другой бережно выносила и складывала ему на стол. Среди пожелтевших, истонченных временем листов, скрепленных бечевкой сквозь двойные укусы дырокола, он разглядел не только римские, но и кампаньские выпуски, и даже подшивки из Флоренции. И когда симпатичная сотрудница, склонившись над столом, объясняла ему правила работы с документами, он уже не слышал ее. Взгляд и мысли его унеслись далеко за пределы тихой прохладной комнаты.

* * *

Вернувшись на работу, Карло попытался собраться с мыслями и обдумать информацию, которую смог собрать за четыре часа. Он разложил перед собой отпечатанные фотокопиром дубликаты статей, фотографии некоторых пропавших пассажиров, крупные планы станции отправления и предполагаемого прибытия поезда-призрака. Он сидел в оцепенении и все еще не мог поверить в реальность тех фактов, что ему удалось раздобыть.

Бьянка была права. В 1911 году в Ланцио действительно исчез поезд вместе со всеми пассажирами на борту. С трепетом Карло вновь перечитал вырезки статей, которых, к его удивлению, было совсем немного. По какой-то неизвестной причине происшествие не вызвало широкого резонанса в прессе.

15 августа 1911 года, в священный праздник Феррагосто, с железнодорожной станции в Ланцио торжественно отправился электропоезд. Это был великолепный образец, венец инженерной мысли того времени. Электропоезд принадлежал компании Ferrovie dello Stato, взявшей под контроль железнодорожную промышленность с апреля 1905 года, предварительно выкупив все доли и права у частных компаний. Ланцио, один из городов-счастливиц Италии, удостоился чести получить в пользование первую железную дорогу, и горожане многого

ожидали от возможностей, которые предоставляла столь полезная транспортная ветка, связывающая их со столицей.

Самые знатные и зажиточные представители итальянского общества приглашены сделать первый заезд. Поезд, состоящий из трех вагонов, должен пройти тридцать четыре километра от Ланцио до Термини в Риме, где на станции его с почетом встретят градоначальник, представители газет и жители столицы. Поезд входит в туннель, который находится на 16-м километре, там, где горы встали на пути железной дороги. Издав приветственный гудок, поезд скрывается в туннеле, но снаружи не появляется. После продолжительного ожидания работники железнодорожной компании и полиция обоих городов отправляются к туннелю, предполагая поломку или непредвиденное происшествие, но не находят и следа машины и людей. Спустя некоторое время в полицию Ланцио обращается один из пассажиров пропавшего поезда, некий Энцо Гори. Молодой человек глубоко потрясен происшествием и не способен внятно отвечать на вопросы. С трудом удается узнать, что перед самым въездом в туннель чудом спасшийся наблюдал белое облако, которое густело и расплзлось по мере приближения к туннелю. Охваченный ужасом, Энцо спрыгивает с подножки поезда в самый последний момент – перед тем, как тот навеки сгинет в темноте.

Карло откинулся в кресле, пытаясь осознать только что прочитанное, но тут на его плечо шлепнулась чья-то рука. Зычный голос Антонио, его коллеги-журналиста, нарушил ход мыслей:

– Чем занят, приятель?

– Здорово, Антонио, не могу сейчас болтать, извини.

– Кто этот красавчик? – он схватил со стола фотографию.

– Не валяй дурака. Этот парень давно в другом мире, прояви уважение. Он исчез на поезде, который сгинул черт знает куда, а с ним еще пятнадцать человек, – Карло кивнул на вырезку с фотографией.

– На поезде-призраке? Погоди, хочешь сказать, что он и вправду существовал? – Антонио вмиг стал профессионалом своего дела. Он подошел ближе и принялся перебирать бумаги, собранные Карло.

– Очевидно! И не просто существовал, а был самым передовым, великолепным творением своего времени, причем абсолютно исправным на момент исчезновения. Да хоть бы и поломанным! Вещи не исчезают только потому, что неисправны. Не могу понять, как такое вообще могло произойти и почему я никогда не слышал об этом происшествии? – сокрушенно проговорил Карло.

– История, конечно, занятная, но что-то в ней нечисто. Думаешь, хорошая идея лезть в то, что было предначертано свыше? Если Господь посчитал нужным, чтобы эти люди испарились, значит, на то было его повеление. – Он быстро перекрестился, вскинув глаза к потолку.

– Давно ты стал таким суеверным? Эти люди не какие-нибудь отпетые грешники, которым пришло время вознестись на небеса. Это самые обычные люди, как ты и я. Разве что побогаче.

– Они были богаты?

– Чертовски! Самые знатные люди Италии. Отпрыски состоятельных семейств, крупные землевладельцы, фабриканты, банкиры.

– Ессо! Собрали богачей на один поезд, завезли в туннель и забрали все золотишко вместе с пассажирами.

– Не все так просто. Эта версия не работает. Посмотри на фотографию туннеля. Видишь, какой он узкий? Поезду просто некуда было деться.

– Что ты намерен делать?

– Хочу расследовать это дело и, может, написать об этом.

– Ты уже получил разрешение босса?

– Нет, но я говорил с Бьянкой.

– С Бьянкой! – осклабился Антонио. – Конечно же, она дала согласие, не так ли?

Посмеиваясь, Антонио зашагал прочь, оставляя Карло с сомнениями, которые роем вились в голове. «Нужно сдать текст», – вдруг вспомнил он. За поисками он совсем позабыл о прямых обязанностях репортера. Закончив со статьей, он вновь пробежался глазами по строчкам, оттачивая слог, чтобы Бьянка осталась довольной и не пожалела о том, что пошла ему навстречу.

Дверь в офис начальника была приоткрыта, и Карло, проходя мимо, заглянул туда. Синьор Аффини сидел за столом. Его пиджак небрежно свисал со спинки кресла, манжеты рубашки подвернуты, крепкие руки спокойно лежали на столе.

– Карло. Проходи, присаживайся. Чем занят, сынок? – отвлекся от раздумий синьор Аффини. Карло вошел в кабинет:

– Все в порядке, спасибо. Я как раз шел к Бьянке, чтобы отдать ей статью.

– Замечательно, – ответил босс, очевидно, размышляя о чем-то другом. Повисла пауза, и Карло не решался нарушить ее. Наконец синьор Аффини поднял со стола фотографию и протянул Карло.

– Посмотри на нее, – с гордостью в голосе сказал он. – Это моя дочь, Франческа.

– Словно ангел, – восхитился Карло.

– Она была всем для меня. Для нас, – он помолчал. – Жаль, что я не могу познакомить тебя с ней, – Карло кивнул. – Знаешь, когда она пропала, то моя жена... – Он поморщился от болезненных воспоминаний. – Луиза ведь никогда не думала, что мы сможем иметь детей. В позднем браке, что был у нас, мы просто жили друг для друга. Она не мечтала о детях, как многие из итальянских женщин, а у меня уже есть двое сыновей от первой жены, поэтому я не слишком-то настаивал. И когда она забеременела Франческой, то подумала, что это дар небес. Луиза переменялась, Карло, стала другим человеком. Такой счастливой я ее еще никогда не видел.

– Я понимаю, – тихо ответил Карло.

– Уже потом Луиза обвинила во всем меня. Она говорила, что, не будь у нас ребенка, она не испытала бы столько страданий. Но разве я мог обижаться на эти слова? Моя жена лишилась покоя, потеряв самое ценное, что когда-нибудь было ей даровано.

– Мне очень жаль это слышать.

– Посмотри на это лицо, Карло. Скажи, мог бы кто-нибудь навредить этому прекрасному дитяти? Разве она заслужила хоть малейших страданий? Вся жизнь лежала перед ней. Я хотел дать ей все, и я мог это сделать, ты знаешь, я не последний человек в этом городе. Она была моей маленькой принцессой, я был готов отдать жизнь за нее. Но я не смог этого сделать, моя жизнь никому не нужна. – Он тяжело вздохнул, глубокие складки собрались на переносице. – Знаешь, каково это – просыпаться и знать, что твоя дочь больше не выйдет к завтраку, не выбежит навстречу, когда ты возвращаешься с работы? Я до сих пор не верю, что больше не услышу ее ласковый смех, не смогу погладить по голове. Никто не знает, чего мне стоит каждое утро вставать с постели. – Голос его надломился. – А уж сегодня, в день ее исчезновения, я думаю о том, что лучше бы мне вообще не просыпаться.

– Синьор, многие пропавшие находятся, когда-нибудь и она сможет вернуться!

– Я благодарен тебе за то, что пытаешься утешить старика, но поверь, Франческа не могла уйти сама. За год, что мы разыскиваем ее, не осталось ни единой зацепки, которую бы мы не проработали. У нее не было друзей, о которых мы не знали, она не гуляла в одиночестве, только с матерью или подругами, вся ее жизнь была на виду. Она ничего не скрывала от своих родителей, потому что была счастлива. Я знаю точно, она никогда не покинула бы нас по собственной воле.

– Разумеется, синьор. Я сейчас как раз изучаю дело о поезде из Ланцио и тоже пока не нахожу объяснения этому странному происшествию, но уверен, что найти его возможно. Нужно только знать, что искать, я верю в это всем сердцем!

– Погоди-погоди, ты взялся за исчезновение поезда в Ланцио? Но это было полвека назад, ты что, задумал докопаться до истины спустя столько времени? – В голосе начальника послышалась заинтересованность, он подался вперед.

– Я не думал о том, чтобы начать полноценное расследование. Я понимаю, что у редакции на это нет денег, а у меня не так уж много времени, но мне хочется покопаться. Есть что-то подозрительное в том, что это дело не вызвало общественного резонанса, к тому же я до сих пор не понял, насколько правдива эта история. Как бы то ни было, я должен быть честен, синьор, не могу я всю жизнь писать о криминальных разборках!

– И что тебе удалось накопать? – спросил шеф, пропуская мимо ушей жалобу Карло.

– Немного, синьор, только общие факты, доступные широкой общественности.

– Думаешь, ты мог бы узнать, что на самом деле произошло тогда в Ланцио?

Чуть помедлив, Карло ответил:

– За те полгода, что я проработал в газете, я уже достаточно рассмотрел на человеческие, а скорее нечеловеческие поступки. Каждый раз я оказываюсь перед событием, которое *уже* свершилось. Я могу лишь запоздало сожалеть о том, что никак не мог предотвратить то или иное преступление. – Он вскинул руки в преувеличенно трагичном жесте. – Я приехал в Рим, потому что считаю его величайшим из городов, но его красота прячется от меня. Последние полгода я только и делаю, что выписываю «свидетельства о смерти»! А дело в Ланцио... Оно иное. Те люди для меня словно живые, понимаете, синьор? Словно я все еще могу спасти их. – Карло вскочил с кресла, не в силах больше сдерживать волнение. – Я чувствую, что эта история неспроста произошла 15 августа, в священный праздник Феррагосто. Я хочу найти этих людей, синьор. Их следы, память, все, что от них осталось.

В тишине комнаты жужжал кондиционер, синьор Аффини не проронил ни звука, о чем-то напряженно размышляя. Затем он поднял тяжелый взгляд и, заглянув в лицо Карло, медленно произнес:

– Ты знаешь меня, пусть и недолго. Но, наверное, понимаешь, что я сделал бы все, чтобы найти свою дочь. И, видит бог, я действительно сделал все, чтобы разыскать Франческу. Весь этот год я тратил все до последней лиры на ее поиски. Полиция трудилась как проклятая, только без толку, я нанимал лучших сыщиков, ходил к медиумам, хоть никогда не верил в эту чушь. И если бы осталась хоть малейшая надежда напасть на след Франчески, я сделал бы все, чтобы использовать этот шанс. Но мы не смогли ничего найти, Карло. У нас не осталось ничего, ровным счетом ничего. Девочка покинула нас, без подсказки, без намека, – он горько вздохнул. – Только горе, бескрайнее горе – вот и все, что осталось нам с Луизой... Найди этих людей, Карло, – решительно сжав громадные кулаки, он внезапно ударил ими по столу. – Узнай, что с ними случилось! Пусть хотя бы *их* близкие смогут оплакать потерю. Я возьму на твое место какого-нибудь бездарного писаку, а ты езжай в Ланцио и копай. Рыскай, ищи! Не оставь камня на камне, выгрызи эту правду, чего бы это ни стоило. О деньгах не беспокойся. – Голос босса звенел от возбуждения. – Я все оплачу. Только скажи мне, что поедешь в Ланцио. Дай ответ сейчас, не мешкай, мое сердце больше не может ждать! – Синьор Аффини буравил Карло взглядом, который казался темнее ночи.

Оторопевший, тот смог лишь кивнуть. А затем, наконец осознав сказанное, громко и уверенно произнес:

– Да, синьор. Никаких сомнений. Конечно же, я поеду туда и разыщу этих несчастных. Даю вам слово, что отправлюсь в Ланцио завтра. Первым же поездом.

Глава 2

Ланцио, Италия. 1972 год

Ранним утром Карло прибыл в Ланцио. Еще на перроне он ощутил перемену воздуха, здесь он был заметно свежее, свободнее. Высокое небо с белыми, еще не окрепшими облаками дышало почти деревенским простором, солнце поднималось далеко за горизонтом, простирая нежные лучи. Карло вышел на улицу и прислушался к тишине незнакомого города. Из сосновой рощи по левую сторону слышалось затихающее пение цикад, порывы теплого ветра несли соленый привкус моря и терпкий запах цитруса.

В руках Карло держал кожаный чемодан, в который уместились все необходимые для поездки личные вещи, и вспоминал напутствие синьора Аффини: оставаться в Ланцио сколь угодно долго, как того потребует «расследование». Не спеша спускаясь по неровной брусчатой дороге, Карло старался не споткнуться в жестких кожаных туфлях – городской обуви, не предусмотренной для подобных прогулок, и оглядывался по сторонам. Вдоль улицы, прикрывая уютные фасады, возвышались вековые пинии, степенные стражники домов и усадеб, ловцы прохлады и молчаливые наблюдатели, следящие за каждым шагом незнакомца.

Не торопясь, Карло дошел до конца улицы, она упиралась в небольшой поросший холм. Ему пришлось свернуть налево, где оканчивалась брусчатая тропа, превращаясь в узкую вытопанную тропинку. Ступив на нее, он прошел небольшой участок по склону вниз и, повернув голову, увидел море. Синим пятном оно лежало внизу и, дразня пляшущими лучами, казалось таким вечным и безбрежным, что Карло остановился потрясенный, не в силах сделать хоть шаг.

Спустя несколько минут, вдоволь насытившись солоноватым бризом, Карло продолжил путь. Спуск оказался не из простых, и с непривычки он быстро запыхался, подозревая, что ошибся и выбрал обходную дорогу в город. Но возвращаться не стал и все же преодолел весь спуск. Вконец оббив туфли и основательно вспотев, он выбрался из рощи и оказался на небольшой площади, пустынной в этот ранний час.

Почти все двери оказались запертыми, и только одно кафе с открытой террасой, скрытое от глаз небольшим проулком, кажется, уже работало. У добродушной продавщицы Карло заказал кофе и фокаччу с прошутто, с трудом сделав выбор из неожиданного разнообразия свежей выпечки. Присев за столик, он оглядел улицу, будто застывшую во времени. Дома, сплошь из камня, легко позволяли нащупать характер городка, в котором Карло предстояло провести неизвестно сколько времени. Он знал, что уже множество десятилетий основную прибыль Ланцио приносят известняково-глиняные карьеры. Они располагались вокруг города, своим местоположением и щедростью раз и навсегда определив его судьбу. Присутствие известняков было заметно невооруженным глазом – две улочки, убежавшие в разные стороны, казались не чем иным, как зачищенными добела пластами скальной породы, по всей видимости, она стелилась тут везде.

Услышав шаги, Карло обернулся. Пожилой господин в шляпе присел за соседний столик и знаком попросил кофе.

– Добро пожаловать в Ланцио, – обратился старик к Карло.

– Доброе утро! Замечательный у вас городишко!

– В Ланцио приезжают или тяжело работать, или отдыхать, но вы не похожи ни на работника, ни на отпускника. – Незнакомец подкурил сигарету и выпустил изо рта густой дым. Проведя за повисшими в воздухе белесыми клубами, он повернул голову и прищурился. – Что же привело сюда вас, молодой человек?

– Я приехал, чтобы узнать о пропавшем здесь шестьдесят лет назад поезде, – с готовностью отпартовал Карло.

– Ах да, поезд-призрак. Мог бы и догадаться. – Он пожевал сигарету, словно потеряв интерес к собеседнику. – Все эти годы я недоумевал, почему никто не приезжает, чтобы разузнать о нашем происшествии, задать несколько вопросов. Разве оно не стоит того? Не так уж часто пропадают вагоны, а чтобы целые поезда, да еще и с людьми... – Он присвистнул. – Но черт с ними, приезжими, так ведь и местным нет никакого дела, все будто позабыли о поезде, или же ими движет священный страх? Невозможность что-то объяснить или понять пугает людей, ничего удивительного в этом нет, но, чтобы забыть о трагедии, подобной этой, требуется отменная доля настойчивости.

– Я здесь, чтобы исправить эту несправедливость, синьор. Мое имя Карло, запомните его, потому что я могу понадобиться вам, а вы мне. Я журналист и разыскиваю любую информацию о поезде-призраке, и, если она у вас имеется, вы знаете, кому ее поведать. Вы уроженец Ланцио?

– Sì. Ты можешь звать меня дон Паволини. – Он окинул взглядом пространство вокруг. – Я живу тут так давно, что даже не знаю, люблю я этот город или же просто привык к нему... – Он принял из рук официантки чашку с эспрессо и сделал маленький глоток. – А что касается информации... Это не просто курортный городок, друг мой. Люди здесь разные, но все они похожи в одном: языком трепать не любят. По крайней мере, с чужаками. Когда придет время, ты узнаешь, что тебе нужно, но не торопись и не дави. Время здесь идет по-другому, хоть ты пока и не заметил. Я ощущаю себя так, словно только вчера бегал с хворостиной за козами вон на том лугу, босой и счастливый, а тем временем мне уже семьдесят пять. У каждого есть память, научись уважать ее и, если люди не захотят говорить с тобой, не думай, что они ничего не знают. Они не знают тебя – и только. Позволь городу привыкнуть к тебе, не требуй его внимания, и тогда он подарит тебе все свои тайны.

– Я учту это, дон Паволини.

– А presto.

Перекусив и попрощавшись с мужчиной, Карло отправился наугад по одной из улиц в сторону центра, надеясь, что сумеет найти место, где сдавались бы недорогие комнаты на длительный срок. По пути глазам его представали причудливо расположенные дома, одни выступали вперед, другие прятались, третьи почти ушли под землю. Взгляд Карло цеплялся за элементы старины: замысловатые фрески, витые балконы, потайные оконца и провисшие деревянные ставни. Небо над головой уже набиралось цветом, воздух как будто стал суше, и зеленые растения в кадках, стоявшие у подножия каменных лестниц, сомкнулись, словно братья, вставшие на защиту владений. Карло не мог бы сказать, что устал от Рима, но последнее время в нем стало слишком беспокойно. Неразбериха со сменой правительства породила серию недовольств, и, разрываемый политическими противоречиями, Рим тщился обрести покой. Но в городках вроде Ланцио все иначе, здесь сами мысли замедляют бег, обретая иную форму, позволяя наконец себя разглядеть.

После полуторачасовой прогулки Карло пришлось признать собственное поражение: он так и не отыскал ни отеля, ни подходящей комнаты, хотя почти на каждом шагу получал подробные инструкции от любопытных местных. Но время не прошло зря: он сумел сложить впечатление о месте, где ему предстояло жить, сделав вывод, что Ланцио был преуспевающим зажиточным городом, знавшим себе цену. И когда Карло плюхнулся на кромку фонтана, плескавшего прозрачные струи посреди центральной площади, то, хоть едва не терял сознание от усталости и нараставшей жары, все же чувствовал себя почти как дома. Отбросив всякое стеснение и не обращая внимания на улыбки случайных прохожих, он принялся обливаться холодной водой, зачерпывая ее обеими руками и позволяя литься за шиворот. Приведя таким образом себя в чувство, он принялся было размышлять о дальнейших планах, как вдруг услышал детский голос, выкрикивающий его имя.

Оглянувшись по сторонам, уверенный, что обращаются не к нему, он увидел мальчишку, со всех ног бегущего к фонтану.

– Вы синьор Карло? – выкрикнул запыхавшийся ребенок.

Карло удивленно кивнул.

– Графиня Партичини ждет вас. – Мальчонка схватил Карло за руку, стремясь увлечь его за собой. – Идемте!

– Эй, погоди, ты меня с кем-то перепутал, малец. Тебе нужен другой Карло.

– Нет, мне нужен Карло, который приехал найти пропавший поезд, – уверенно проговорил мальчик. – Ведь это вы?

– Смотря кто спрашивает. Но погоди, откуда тебе известно, зачем я приехал? – произнес мужчина, потрясенный тем, насколько быстро здесь разносятся слухи.

– Ну идемте же, – продолжал тянуть за собой мальчишка, чуть не плача. – Я и так слишком долго вас искал, графиня меня наругает.

И Карло ничего не оставалось, как в основательно промокшей рубашке последовать за мальчиком, уповая на то, что перед незапланированной встречей его одежда успеет просохнуть.

Спустя двадцать с лишним минут плутания по городским улицам, некоторые из которых Карло уже узнавал, они миновали центральный район города и зашагали через оливковую рощу, которая хоть и радовала глаз обилием раскидистых деревьев, но тянулась так долго, что Карло решил, что они заплутали. Чемодан оттягивал руку, и Карло поймал себя на мысли, что мечтает бросить его прямо здесь, под одним из бархатистых великанов, и помчаться вслед за мальчишкой налегке. Тот так и не смог дать внятных разъяснений, а лишь как заведенный повторял, что ему было велено найти и привести гостя, что прибыл рано утром из Рима с чемоданом в руках.

Море приближалось. Это стало ясно по нараставшему шуму волн и движению застоявшегося воздуха. Зашелестели листья на верхушках деревьев, сквозь ровные посадки запестрели голубоватые отблески. И тут же Карло и его спутник вышли на зеленое взгорье, на котором паслись дикие козы. Не обращая внимания на палящее солнце, они лениво вскидывали головы и, не заметив ничего любопытного, вновь опускали их в траву.

Небольшое скальное возвышение, на котором стояли Карло с мальчишкой, спускалось к морю подобно амфитеатру, его уступы служили основой очаровательным коттеджам, обращенным в сторону воды. И лишь одна вилла выделялась среди других. Стоящая особняком на самом широком выступе, она поражала не столько размером, сколько величием и степенностью, сквозившими в каждом элементе. Будто старейшина среди непоседливых отпрысков, покоилась она над обрывом, бесстрашно обратившись к бирюзовой глади. Даже не попав внутрь, Карло знал наверняка – в этом доме всегда пахнет морем.

Каким-то чутьем Карло понял, что именно туда и лежал их путь, и прибавил шаг за припустившим вперед быстроногим спутником. Совсем скоро они оказались на месте, и Карло задрал голову, с восторгом обозревая трехэтажный особняк светлого камня, пронизанный словно венами почерневшими от времени трещинами. В одной из башенок дремал небольшой колокол, углы виллы овивала виноградная лоза. Окна прятались за темно-зелеными деревянными ставнями, прикрытыми в этот знойный час. Солнечные лучи, пронзая ветви сосен, оседали тонким узором на теплой, усыпанной иглами земле.

Мальчик позвонил в дверь и, даже не попрощавшись, припустил в обратный путь, оставив растерянного Карло на пороге. Спустя минуту, когда мелодичная трель потонула в недрах дома, дверь открыла приземистая женщина в домашнем платье. С теплом во взгляде она встретила гостя и провела внутрь.

– Графиня Партичини примет вас через несколько минут, синьор Карло. Добро пожаловать в La Casa Serena.

Оглядевшись, Карло не смог обнаружить ни единого предмета современной утвари. Особняк графини хранил и с горделивой небрежностью демонстрировал многовековой дух времени, которому принадлежал. Комната была полна рассеянного света, который, отражаясь от мраморного пола, придавал всем предметам призрачное сияние. Подле запорошенного сединой камина лежал выцветший ковер, испещренный мелкими кратерами когда-то давно упавших искр. Открыв рот от восторга, Карло разглядывал громадную картину, изображавшую сцену удачной охоты, и не заметил, как женщина вернулась и пригласила пройти за ней.

В доме царил умиротворение, словно все его обитатели надолго погрузились в сладкий сон. Не лаяли собаки, не было слышно шума электрических приборов, даже стрекот цикад не проникал внутрь, лишь нежный покой сопровождал Карло и его спутницу. Пройдя сквозь арку широкого коридора, они оказались в сводчатом зале, еще более просторном и сумрачном, чем предыдущий. Во главе длинного массивного стола сидела женщина, к которой помощница подвела Карло и тут же удалилась из комнаты.

Он не сумел бы определить на глаз возраст графини, но, определенно, она принимала его с достоинством. Карло наклонился и почтительно приложился к протянутой руке, унизанной массивными перстнями. Ноздри окутал древесный аромат, исходящий от рукава платья. «Ей далеко за восемьдесят», – подумалось ему при взгляде на кожу, прозрачную, как лепесток орхидеи. В эту же минуту он заметил, что женщина сидела в инвалидном кресле, вплотную придвинутом к столу.

– Здравствуй, Карло, – прошелестел ласковый голос, и Карло встретился взглядом с графиней Партичини, тут же решив, что никогда не видел глаз добрее тех, что смотрели в эту минуту на него.

– Вижу, что ты устал с дороги. Садись за стол, сейчас принесут фрукты и вино.

– Спасибо, синьора. Вы правы, я что-то утомился, слишком много впечатлений за один день. Но ваш дом скрасил все злоключения, – поспешил добавить он. – Я не бывал в таких раньше.

– Он очень крепок, это его главное достоинство. В сильном доме можно позволить себе немного слабости. – Она погладила подлокотник своего кресла.

– Ну садись же за стол, не стой над душой, графиня этого не любит, – вдруг услышал Карло задорный голосок и, обернувшись, увидел девушку, вихрем влетевшую в комнату. Белая обтягивающая футболка подчеркивала сочный оттенок ее загара, волосы собраны в хвостик, чистое лицо без намека на косметику сияло, а лучезарная улыбка дополняла облик. Обойдя Карло и намеренно задев его бедром, она наклонилась и, чмокнув графиню в щеку, громко заявила: – Я только из города. О тебе, Карло, не судачит только ленивый. Я, кстати, Кристина.

– Не знал, что моя персона может кого-то так заинтересовать, – пробормотал Карло.

– Не обольщайся. Их интересуешь не ты, а цель твоего приезда. Ох, простите, Доната, я не хотела вас перебивать! – и девушка шутливо постучала себя по губам.

– Ты права, дорогая, он не успел приехать, как все захотели узнать его поближе. Рада, что стала одной из первых. Кристина – моя старинная подруга, – пошутила графиня. – Теперь уж не разобрать, кем она мне приходится, но одно знаю наверняка, без нее мне пришлось бы нелегко.

– Очень приятно, – ответил Карло, а Кристина в ответ хмыкнула.

– Я узнала о твоём приезде от донна Паволини, – продолжила графиня, – когда он заехал разделить со мной ланч. Вы виделись с ним утром, кажется, он был не слишком приветлив?

– Напротив, он успел дать мне ценный совет. – Карло огляделся по сторонам. – Ваш дом великолепен! Сколько ему лет?

– Около двухсот. Мне он перешел по наследству от отца. Как, впрочем, и титул. Я давно не покидала это место, не знаю даже, сумею ли выжить, если вдруг придется. Поэтому мне пришлось пригласить тебя к себе. Надеюсь, это не спутало твои планы?

– Сказать по правде, мне пока некуда идти. Я искал подходящее жилье, но город словно нарочно прячет от меня все подходящие варианты.

– Не вижу необходимости продолжать этот бесполезный поиск. Если дом тебе так нравится, ты можешь в нем поселиться.

Кристина, изогнув бровь, наблюдала за удивленным лицом Карло.

– Спасибо за приглашение, но, прежде чем принять его, я хотел бы узнать причины, по которым вы решили его сделать, – он осекся, посчитав свой ответ недостаточно вежливым.

Графиня понимающе кивнула.

– Молодежь хочет понять все и сразу. И лишь с возрастом приходит осознание, что иногда стоит все-таки немного подождать.

– Боюсь, вы правы, – все же решил высказаться Карло. – Я как раз из тех молодых людей, что, возможно, слишком стараются. Будь иначе, мне не следовало бы приезжать сюда. В вашем городе произошло невероятное событие, и именно желание действовать, я уверен, поможет мне найти разгадку исчезнувшего поезда. Я верю, что тайна этого происшествия где-то спрятана, и я найду ее, потому что, видит бог, это тема для первой полосы, а я журналист, через мои руки прошло много преступлений, и знаете, если только это одно из них... В Ланцио живут, могут жить люди, которые наверняка помнят тот день. Постойте, вы ведь тоже... Графиня, сколько вам лет? Простите за вопрос, но вы же должны были что-то слышать. Вы знаете, что произошло тогда? – Возбужденный голос Карло повис в тишине комнаты. Кристина, метнув взгляд на графиню, потупила глаза. Пожилая женщина сидела не двигаясь, казалось, слова Карло навеяли на нее печаль.

– Ты слишком торопишься, – наконец произнесла она, прикрыв глаза. Подождав с минуту, она вновь открыла их, и Карло заметил в них озорные искорки. – Почему он так торопится, Кристина?

Появившееся было напряжение испарилось без следа. Кристина подхватила игривый тон графини:

– Ну он же из Рима. У них там много дел!

– И как успеть их все переделать...

– Если встаешь после полудня!

Карло вспыхнул, а обе женщины засмеялись, одинаково задорным, но по-разному звучащим смехом. Кристина – звонким, Доната – сдержанным.

– Оставайся в моем доме, здесь будут тебе рады, – тепло обратилась она к Карло, не замечая его смущения. – Ты же не сможешь отказать женщине, годящейся тебе в прабабушки?

* * *

Карло провели в его комнату, где он принял душ и переделся в свежую одежду. Чуть позже к нему вошла Кристина, как отметил про себя Карло, без стука.

– Ну, как тебе новый дом? – спросила она, усаживаясь на кровать.

– Он и твой тоже?

– Что? А, нет, я здесь не живу. Доната наняла меня несколько месяцев назад, когда из-за проблем со здоровьем ей пришлось сесть в инвалидное кресло. Думала, что ей понадобится еще одна помощница, но, как оказалось, она отлично справляется и без моей помощи. Однако, как видишь, я все равно осталась, в качестве компаньонки. Она называет меня «птичкой, которая приносит на крыльях новости». По-моему, это очень мило.

– Мне показалось, что Доната очень добра. Не могу поверить, что она вот так запросто пригласила меня жить здесь, – он осмотрел комнату с белеными стенами и иконой Девы Марии на стене. – И честно говоря, я не думаю, что Ланцио гостеприимен настолько, что его жители пускают к себе незнакомых людей с улицы. Тут явно дело в другом. И я уверен, что ты знаешь в чем, – он выжидающе взглянул на девушку.

– Графиня права, ты слишком торопишься. Но да, верно, причина есть, только я не думаю, что хозяйка будет рада моей болтливости в этот раз. Ты узнаешь все, когда графиня сама захочет этого. – Девушка поднялась и подошла к окну. Привычным движением распахнула наружные створки, и в комнату хлынул поток предзакатных лучей. – Тебе дали лучшую комнату, только взгляни, какой вид.

Карло подошел и выглянул наружу. Бескрайний синий простор предстал его глазам. Плеск волн раздавался снизу, но пляжа за деревьями он не сумел разглядеть. Зато увидел старинную лестницу, спускающуюся прямо к морю. Ракушечно-белая сверху, книзу она линияла в темный, вероятно, из-за многолетнего соседства с водой.

– Какие планы на остаток дня? Доната решила прилечь до ужина, так что ты можешь делать что вздумается. Предполагаю, что гулять сегодня тебе уже не захочется. – Она бросила взгляд на кипу пропахшей потом одежды в углу.

– Наверное. Мне нужно собраться с мыслями. Радует, что жилье я уже нашел, так что, по-видимому, я свободен. Но кое-что я действительно хотел бы сделать. Покажешь мне туннель, где пропал поезд?

– Хочешь увидеть Клык?

– Клык?

– Туннель назвали по форме скалы, в которой его проложили. Он и правда напоминает большой заостренный зуб. Я могла бы отвезти тебя, но ты уверен, что действительно хочешь туда попасть? У туннеля дурная слава.

– Жители Ланцио настолько суеверны?

Вместо ответа Кристина снова хмыкнула.

Через несколько минут они были внизу, и девушка прыгнула за руль двухместной малолитражки.

– Доната подарила мне эту крошку. Представляешь, совсем новая.

– Кажется, она к тебе действительно привязалась.

– Богатство и щедрость – нечастые соседи. Но Доната открывает сердце тем, кто не воспользуется ее добротой в корыстных целях. Возможно, она показалась тебе слишком доверчивой, но, поверь, тебе лучше не злоупотреблять ее гостеприимством.

– Ты считаешь, что я на такое способен? – взвился Карло.

– Просто предупреждаю.

Спустя полчаса они припарковали машину в тени раскидистых деревьев. За широким полем возвышался осколок скалы с чернеющим арочным зевом. Он действительно напоминал громадный клык неведомого исполина. Карло присвистнул, пытаясь на глаз определить его высоту, выходило что-то порядка пятидесяти метров. За ним простирались возвышения поменьше.

– Вот он. La zappa – Клык. По мне, так ворота в преисподнюю. Не люблю это место, у меня от него начинается клаустрофобия, я даже на поезде в Рим из-за этого не езжу, только на машине. Пойдем, я проведу тебя, если хочешь, но предупреждаю, заходить внутрь не стану. – Она поежилась.

– Брось, я приехал в Ланцио через этот туннель, со мной же ничего не случилось.

Карло не отрывал от туннеля взгляд. Он преувеличил собственное бесстрашие перед Кристиной, туннель и в самом деле производил гнетущее впечатление. Наверняка все дело в контрасте безобидного пейзажа и зловещего отверстия на его фоне. Они зашагали через обезглавленные колосья и спустя десять минут достигли цели. Вдалеке виднелись посеченные холмы старых карьеров: когда-то здесь велись разработки породы, но сейчас все казалось давно заброшенным. Перешагнув через раскаленные рельсы, Кристина и Карло заглянули в гулкую темноту. На них пахнула прохлада. Где-то вдали мерцала светлая точка, выход, до которого, казалось, предстоял бесконечно долгий путь. «Идти через туннель на ту сторону опасно, – решил Карло. – Если появится поезд, кто знает, смогут ли они где-нибудь укрыться». Он дал себе слово обязательно вернуться сюда для более тщательного осмотра, скорее всего, уже одному, без Кристины.

Сделав предварительный осмотр, они направились к машине. Жар уже спадал, воздух повис, недвижимый, утомленный. Карло едва волочил ноги. Все-таки стоило послушать советов местных: остаться дома и не бросаться на поиски ответов в первый же день.

Наконец они добрались до припаркованного у дороги автомобиля, и Карло без сил плюхнулся на переднее сиденье. Кристина же, напротив, казалась оживленной, словно их приключение доставило ей уйму удовольствия. Она вырулила на дорогу, напевая себе под нос и качая головой, позволяя теплому ветру трепать волосы, пока машина набирала скорость.

– Что ты знаешь об этом деле? – спросил Карло.

– Немного. В городе есть несколько версий происшедшего. Но в большинство из них я не верила даже в детстве. Инопланетяне, дух горы, проклятье и прочая ерунда.

– А что насчет других?

– В шестьдесят девятом в Ланцио приезжали студенты-физики из университета Палермо. С одним из них я даже закрутила интрижку, кажется, его звали Джино. Как я поняла, проект был засекречен, и он не делился подробностями, сказал только, что дело касалось какой-то недоказанной теории. Они пробыли здесь около месяца, жили в лагере, раскинули его прямо там, недалеко от туннеля, делали замеры, расставили кучу всяких приборов, не знаю, чем у них дело кончилось.

– А Джино не говорил, какова основная версия исчезновения? Наверняка у них в университете кто-то выдвинул парочку.

– Да нет же, ничего такого. – Она пожала плечами. – Да и, честно говоря, у нас были дела поважнее болтовни о поезде.

– Не сомневаюсь.

– Ой, посмотрите на него! – Она повернулась к Карло, позабыв о дороге. – Так ты из скромников?

– Не понимаю, о чем ты. Я здесь по делам, и мне неинтересны подробности чьей-то личной жизни. Просто твоя невнимательность характеризует тебя с определенной стороны.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что ты познакомилась с человеком, который мог открыть самую большую тайну твоего родного города, а тебе было интереснее крутить хвостом.

– Да откуда тебе знать, что мне интересно, а что нет? – задыхнулась от негодования Кристина. Она почти не смотрела на дорогу, как будто ее совсем не волновало, едут ли они прямо или виляют из стороны в сторону. Мимо на скорости проносились высокие тополя. – Ты вообще не имеешь права меня судить!

– Осторожнее! – вскрикнул Карло, заметив у края дороги мужчину на велосипеде, которого Кристина, судя по всему, не видела. Мужчина ехал вдоль обочины, велосипед покачивало, и Карло понял, что еще секунда – и он рухнет на дорогу. Так и произошло. Мужчина потерял равновесие и кулем повалился набок, прямо под колеса автомобиля. Кристина рванула руль

в сторону и ударила по тормозам. Но было поздно. Раздался протяжный визг шин, а следом металлический скрежет и глухой стук.

Глава 3

Ланцио, Италия. 1907 год

Лоренцо вбежал к матери, не оглядываясь по сторонам. Ее комната была для него давно разведанной территорией: он помнил, как пахнут занавеси, за которыми он укрывался, играя в прятки, знал, какая половица скрипит громче других, и даже помнил, в каком месте окно перебежала длинная изгибистая трещина. Поэтому он без промедлений бросился к матери с выражением радостного волнения на лице. Доната Партичини, лежа в постели, раскинула руки, принимая в объятия сына. Прохладный шорох простыней смешался с ласковыми словами, которые она пробормотала, целуя мальчика в макушку, вдыхая запах волос и накрахмаленной рубашки.

– *Amore mio*, доброе утро!

– Ты позволишь мне пойти погулять?

Доната различила в голосе заискивающие нотки.

– Но дорогой, к обеду будут гости, я хотела, чтобы ты остался со мной. Куда же ты хочешь пойти?

– С ребятами, на карьер.

– Лоренцо, нет! – воскликнула Доната. Ее безмятежный настрой тотчас испарился. – Ты же знаешь, что я запретила тебе даже смотреть в ту сторону.

– Но я же не один, и папа тоже будет там!

– Отец работает, ему некогда следить за вашими проделками. К тому же все твои друзья старше тебя. Возможно, их родители это одобряют, но ты еще слишком мал.

– Еще чего! – воскликнул мальчик. – Мне уже почти двенадцать! Все мальчишки уже там побывали, и только мне ничего не разрешают!

Лицо Лоренцо скривила гримаса обиды, и он бросился вон из комнаты, Доната услышала, как по лестнице застучали ботинки. Вздохнув, женщина подошла к зеркалу. Темные волосы обрамляли нежный овал ее лица, глаза смотрели внимательно, но взгляд их казался рассеянным, словно графиня видела в отражении совсем другого человека. Не торопясь, она сменила ночную рубашку на платье, подхватив его шелковым ремешком, и выглянула в окно, на внутренний двор. Лошадь мужа топталась на привязи у конюшни, тщетно стараясь найти хоть травинку посреди вытоптанной земли. «Лошадь не в стойле, значит, муж скоро уедет», – подумала Доната и поспешила вниз, чтобы застать его до отъезда.

– Николо, дорогой, ложился ли ты? – с улыбкой обратилась она к крепкому мужчине, одетому в рабочий костюм и высокие сапоги.

– Я рано уехал, нужно было успеть встретить рабочих. – Он коснулся губами ее лба, а она прикрыла глаза, отдаваясь краткому проявлению нежности.

– Проследи за Лоренцо, пока ты здесь, кажется, он собирается ускользнуть на карьер. Я была строга, но, кажется, недостаточно. Скажи ему, что ты этого не одобряешь, тебя он наверняка послушает.

– Я много раз говорил ему, что детям там не место.

– Ты не останешься на обед? Сегодня придет отец Флавио, ему снова нужно увидеться со мной. Было бы чудесно, если бы ты поддержал нашу компанию. Мне кажется, когда ты рядом, он так сильно не занудствует.

– Останусь, но вовсе не из-за отца Флавио, – усмехнулся Николо. – Я жду Франко, он должен быть здесь с минуты на минуту. Помнишь, я рассказывал, мы познакомились на автомобильной выставке в Милане?

– Франко? Да, кажется, припоминаю. Дам распоряжение поставить еще один обеденный прибор. Для чего он приезжает в Ланцио?

– Я думаю, ты можешь сама у него это узнать, – ответил Николо, прислушиваясь. – Кажется, он уже здесь.

Супруги вышли к парадному входу в тот самый момент, когда на двор въезжал автомобиль. Николо вышел вперед, чтобы поприветствовать гостя.

– Ты все-таки купил его! – воскликнул он, заметив толстый слой дорожной пыли на лакированной поверхности. Николо провел пальцем по капоту. – Кажется, наши дороги еще не готовы к подобной роскоши.

– Это вопрос времени, мой друг, – ответил гость, захлопывая дверцу. Друзья тепло обнялись. – Ну! Ты только взгляни на этого красавца, или красавицу, это уж как посмотреть. Не могу отделаться от ощущения, что вожу не автомобиль, а карету с двигателем. – Он рассмеялся и тут заметил Донату. На ее лице играла приветливая улыбка – хозяйка дома отдала должное манерам и эффектному появлению неожиданного гостя.

– Франко, это Доната, моя супруга.

– Рад знакомству. – Он почтительно кивнул и, приблизившись, поцеловал руку. Только сейчас графиня заметила, что Франко говорил с сильным акцентом, впрочем, от этого его речь не стала менее приятной.

– Вы приехали из Франции на машине?

– Нет, что вы! Ее доставили из Милана напрямик в Рим, а уже из Рима я решил совершить эту дальнюю прогулку. И вот я здесь! – Он окинул взглядом особняк и восхищенно покачал головой. – Какой прекрасный дом, а вид ну просто лишает дара речи. Пока я добирался сюда, чуть шею себе не свернул, рассматривая окрестности и море. Вам очень повезло с расположением.

– Я передам отцу ваши комплименты. Ее название La Casa Serena, что означает «безмятежный дом».

– Прекрасно звучит. Желая, чтобы он всегда оставался таким. Между прочим, я приехал не с пустыми руками, – спохватился он и, вернувшись к машине, вытащил оттуда рулон, туго спеленатый бечевкой. – Ковер из Обюссона, ручная работа, разумеется.

– Какая прелесть, я так давно хотела приобрести нечто подобное, но он, наверное, стоит целое состояние! Grazie mille, синьор Франко. Мы постелем его в главной комнате у камина, все равно в нем никогда не разводят огонь, так что можете не беспокоиться о сохранности подарка!

– И не думал.

– Позвольте, я отлучусь, нужно сделать распоряжения на кухне. А за ковром сейчас пришлю слугу, можете пока положить его на веранде.

Доната вошла в дом, где ее чуть не сбил с ног Лоренцо. С круглыми от удивления глазами он бросился к автомобилю и замер в восхищении, разглядывая приборную панель и тонкий руль с оливковым отливом.

– Это Лоренцо, мой сын, – представил Николо мальчика в рубашке и шортах с аккуратно заутюженными стрелками.

– Чао, Лоренцо! – крикнул Франко, но мальчик даже не обернулся.

– Кажется, он уже нашел себе компанию.

– Хочешь посидеть внутри? Дай-ка я тебя устрою.

Увидев, как Лоренцо с воодушевлением закивал, Франко открыл дверь, усадил мальчика на сиденье и принялся объяснять ему принцип работы автомобиля.

Стол был накрыт к обеду. Мясо ягненка соседствовало с молодыми бобами с овечьим сыром, рядом исходил паром картофель с грибами и чесноком, спагетти с анчоусами, ароматные кексы, два графина красного вина. Франко, как почетного гостя, усадили во главе, рядом Николо, напротив Доната. Лоренцо смиренно сидел на стуле рядом с матерью, по всей видимости, идея с побегом на карьер блекла в сравнении с возможностью посидеть в настоящем автомо-

биле. Лицо мальчика так сияло, что отец Флавио, который пришел с небольшим опозданием, то и дело отвлекаясь от трапезы, теперь с подозрением косился на него.

– Попробуйте хлеб, – с набитым ртом предложил он присутствующим. – Послушники испекли его рано утром, но вот беда, наша мельница сломалась, работать стало невозможно. Долго ли мы протянем, если не сможем сами молоть зерно? Это просто катастрофа! – Он потряс вилкой, на которой едва держался увесистый кусок мяса. – Хлеб – наш главный источник пищи и дохода, чего уж греха таить.

– А почему вы ее не почините? – спросил Лоренцо.

– Думаешь, это так легко, мальчик? Мои воспитанники – едва ли старше тебя, вот только встают они до рассвета, а потом работают до самой зари. Откуда им знать, как исправить мельничное колесо?

– Не беспокойтесь, падре, я с радостью оплачу ремонт, – проговорила Доната.

– Ах, *dio ti benedica!* Если бы только ремонт, моя дорогая. Боюсь, как бы дело не кончилось постройкой новой мельницы.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – сказал Николо. – Хотя бы не в этом году, святой отец. – Он сложил руки в молитвенном жесте, в глазах плясали чертики. – Пощадите!

Священник неодобрительно покачал головой и отправил в рот ягненка, лишая себя возможности что-либо ответить.

– Я могу взглянуть, это не проблема. Я довольно часто имел дело с мельницами, – предложил Франко.

– Не стоит, дорогой друг, вы же только прибыли, – отмахнулся священник не без досады. – Мы с графиней сами решим эту проблему.

– Франко! – поспешила переключить его внимание Доната. – Скажите, как вам удастся справиться с таким сложным механизмом, как автомобиль? Я слышала, чтобы уметь им управлять, нужна недюжинная сила.

– Это не сложнее, чем управлять лошадью. По крайней мере, автомобиль не выбросит из кресла, если ему не понравится ездук. Думаю, даже вы смогли бы его оседлать. Да, я почти уверен, что у вас получится, у меня длинный нос, так говорят в Италии?

– Но *fiuto*², – засмеялся Николо, подливая гостям вина.

– Вы надолго в Ланцио? – спросила Доната.

– Думаю, что да. Я планирую окончательно перебраться сюда из Франции. Я полюбил ваши земли, как только увидел. Франция умеет удивлять, но Италия – любить, не правда ли?

– Так вы романтик?

– Только когда необходимо!

– Но ведь в Париже столько интересного, особенно сейчас, говорят, там царят особые творческие настроения.

– Вы правы, художники теперь заправляют умами молодых. Нас легко увлечь, стоит показать нечто непохожее на то, что мы привыкли видеть, и вуаля – мы пойдем за вами куда угодно! В Париже расцвел дух сюрреализма, не могу сказать, что он мне близок, но молодые художники весьма вдохновлены этим течением, они создают удивительные работы, устраивают выставки. Вы любите живопись?

– Да, разумеется, я даже брала частные уроки. В Италии сильная школа. Но про сюрреализм я еще не слышала.

– Оставим его Парижу. – Франко подмигнул. – Что еще могло родиться в городе, где молоко развозят на повозках, запряженных собаками!

– Вы не шутите? – рассмеялась Доната.

² У меня интуиция (*итал.*).

– Все нет! – отозвался Франко, обмакивая хлеб в оливковое масло и отправляя его в рот.

– Между прочим, у нас имеется кое-что с твоей родины, – сказал Николо, вставая. Он подошел к небольшому ящику на комодике и, открыв крышку, с улыбкой завел ручку патефона. – Прямо из Франции!

Бархатистая музыка разлилась по комнате.

– Это же Патэ! – воскликнул Франко, удовлетворенно кивая. – Он ведь переносной? С каждым годом эти аппараты становятся все меньше.

– Надеюсь, музыка в итоге не исчезнет, – сказала Доната. – Франко, мне так хочется вас чем-нибудь удивить, я подумала, что если вы не заняты, то могли бы присоединиться к нашей семье. Завтра в городе отмечается Sagra del Limoni³, будет всеобщее веселье и много лимонов, надеюсь, вы их любите.

– Мне не терпится познакомиться с обычаями здешней земли. И завтрашний день определенно подходит, сегодня я бы не смог ответить согласием: у меня запланировано несколько важных дел, которые требуют присутствия. После обеда я вас покину, нужно съездить за город, чтобы взглянуть на выставленный на продажу участок.

– Что за вложение ты хочешь сделать? – заинтересовался Николо.

– Вы нас простите? – Франко поднялся из-за стола и кивнул Донате, давая понять, что хотел бы продолжить разговор наедине с Николо. – Всего одна сигарета, и мы вернемся.

Мужчины вышли на улицу и закурили.

– Мне подвернулся обширный участок, на котором я хочу открыть шахту по добыче известняка, – продолжил Франко.

– Но в городе и так полно шахт, проблема не в том, чтобы открыть еще одну, а в том, чтобы найти на сырье покупателей. Мы почти не экспортируем, во Франции, Испании и Англии работают местные поставщики, а в Италии спрос совсем не велик...

– Мне нужно перебросить активы. Во Франции я продал земли, чтобы начать все с нуля на новом месте. Боюсь, у меня нет другого способа сохранить капитал, кроме как основательно вложиться там, где я намерен обосноваться. Я сделал ставку на Ланцио, потому что этот город богат природными ресурсами, я уверен, что он принесет мне отличный доход.

– Я только предупреждаю тебя, что бизнес этот не такой простой, как кажется. Мы платим огромные налоги за каждый квадратный метр, на который уходим в глубь собственной земли. Ты не можешь просто купить землю и начать добычу, это делается не так.

– Дело решенное. Я лишь хочу понять, подходит ли мне Клык.

– Ты хочешь купить Клык?

– Его и прилегающие участки.

– Но на них никто не зарится уже много лет. Все массивы вокруг Клыка, включая саму скалу, состоят из жесткой скальной породы. На ее разработку ты потратишь больше денег, чем выручишь от продажи добытого материала. Впрочем, тебе решать, – осекся он на полуслове. – Я не стану переубеждать тебя, возможно, дело и выгорит.

– Мир не стоит на месте. Передовые технологии приходят на смену ручному бурению.

– Это требует больших вложений! – ответил Николо. – Хотя если у тебя есть возможность применить более совершенные методы, думаю, ты заткнул бы всех за пояс в этом городе. Включая меня.

³ «Фестиваль лимонов» (итал.).

* * *

Ярмарочное веселье разгоралось. Разодетые горожане шествовали от прилавка к прилавку, вынося вердикты представленным блюдам: лимонным пирогам и тортам, сочному варенью и светло-янтарному мармеладу. На небольшой сцене отплясывали пары, вокруг них, сбивая танцоров с ритма, сновала детвора. Лимоны царили повсюду, вызывая аппетит, в воздухе витал их терпкий аромат. Мужчины, степенно переговариваясь, цедили лимончелло, дети выпрашивали сладости. Лоренцо весь чесался от тесного костюма, в который его запихнула мать. Но как только он увидел Беатрис, в ту же минуту мысленно вознес слова благодарности за то, что мама постаралась над его одеянием. Девочка подошла к Лоренцо:

– Ты видел, там приехал автомобиль!

– Это, наверное, Франко, – как можно небрежнее проронил он в ответ.

– Ты знаешь его? – удивилась девочка.

– Да, это друг отца, он приехал из Франции. Если хочешь, я попрошу, чтобы он разрешил нам посидеть внутри.

Подростки побежали к Франко и с его позволения расселись на передних сиденьях под одобрительные выкрики зрителей. Франко и Николо отошли подальше от шума и присели покурить. Николо выглядел отдохнувшим после рабочего дня, а Франко, напротив, казался взволнованным.

– Тебе удалось провернуть сделку?

– Да, я уже подписал все бумаги.

– В Италии так дела не решаются, ты слишком торопишься, друг...

– Не беспокойся за меня. Ты же помнишь, у меня «нос». – Франко пальцем постучал себя по кончику носа. – Кроме того... – он помолчал. – Есть кое-что еще, что окончательно убедило меня в покупке этого участка. При осмотре я заметил там небольшие прожилки меди, почти незаметные.

– Меди? У нас отродясь не бывало меди.

– Я осматривал соседние породы, там ее и нет, а возле Клыка она имеется, хоть и в совсем небольшом количестве. Я мог ее и не заметить, будь я менее внимателен.

– Но сколько ее там на самом деле? Не думаю, что ты сможешь обнаружить большие залежи, этот регион богат известняком и глиной, но не медью, уж поверь мне, я много лет в этом деле.

Франко наклонился вперед и, понизив голос, проговорил прямо в лицо друга:

– Мне не нужно много меди. Ты как никто другой должен знать, что может принести этот участок, будь там меди хоть на грамм.

– Ты хочешь сказать...

– Золото, Николо, – понизив голос, проговорил Франко. – Там, где есть медь, может быть и золото.

Глава 4

Ланцио. Италия. 1972 год

После аварии Карло отвез Кристину в больницу, она пострадала незначительно: пара царапин на лице и крепкий удар пришелся по руке, когда машину повело. С синьором на велосипеде все оказалось не столь гладко. Кристина хоть и успела снизить скорость, но все же машина по касательной ударила пожилого человека бампером, что закончилось сильным ушибом спины. Однако он отказался ехать в госпиталь и не пожелал дожидаться карабинеров. Синьор Маурицио отправился домой, куда и держал путь до столкновения. Карло ничего не оставалось, как отвезти Кристину в госпиталь, где он оставил ее наедине с врачом, а сам вышел на улицу, чтобы перевести дух от событий первого дня в Ланцио. Взгляд его упал на подсвеченную в сумерках вывеску полицейского участка, который располагался через дорогу от больницы, и тут же одна мысль пришла ему в голову.

Он зашел в участок и оглядел пустую приемную. Окна нараспашку, вдоль выкрашенной кисточкой стены стоят пластмассовые стулья, с потолка свисает одинокая лампочка. «Куда все подевались? – раздраженно подумал Карло. – Или в Ланцио никогда не происходят преступления?» Он принялся стучать в одну из закрытых дверей, но никто не появился. Прождав еще десять минут, Карло решительно толкнул дверь в кабинет. Четыре пары глаз обратились на Карло, в руках у всех – игральные карты. Разговоры тут же смолкли. «Все это время они были заняты карточной игрой!» – пролетела возмущенная мысль. Сам он хорошенько ударился при столкновении, рука и бедро жутко саднили, голова кружилась, а полицейские даже не удосужились выйти к нему! Но Карло решил не кипятиться зря и обратился к ближайшему карабинеру:

– Я бы хотел поговорить с кем-нибудь по поводу происшествия, случившегося в Ланцио много лет назад.

– Говори, – ответил тот, откладывая карты и разводя руками, показывая, что секретов друг от друга здесь не держат.

– Мне нужна информация по поводу пропавшего в Клыкe поезда, – начал он.

Лица вмиг оживились, теперь на них не осталось ни следа скуки, два карабинера переглянулись, позабыв игру. Наконец тот, что, вероятно, был главным и имел самый нахальный вид, произнес:

– Caro, вот что я скажу тебе, раз уж ты здесь, потратил свое время и приехал из... Откуда ты, кстати, приехал? Неужто из самого Рима? Так вот, раз уж ты приехал и тебе так необходимо провести расследование, и раз у тебя, как видно, совсем мало других дел, то почему бы тебе... – Он оглянулся по сторонам, выдерживая эффектную паузу. – Почему бы тебе не расследовать, ну, например, исчезновение Гудини? – услужливый хохот грянул по кабинету.

– Basta così, – устало проговорил Карло. – Я здесь по делу. Мне позарез нужно узнать о том единственном мужчине, оставшемся в живых после исчезновения поезда.

Он оглядел лица, на которых все еще висели издевательские улыбки, и, осознав, что дел с ним никто иметь не хочет, разочарованно бросил:

– Ладно. Полагаю, мне лучше поговорить с вашим начальником.

Ответом ему послужило еще несколько смешков.

«Да что они себе позволяют! – кипятился он, шагая прочь от участка обратно к больнице. – Слишком все разленились в этом городишке. То ли дело римские карабинеры! Уж там умеют докопаться до правды, настоящие ищейки! Но я не в Риме, – мелькнула мысль. – Здесь свои законы. А может быть, дон Паволини был прав и они просто не желают делиться информацией с незнакомцем? Откуда им знать, как я использую ее? Нужно запастись терпением,

завести связи, и, возможно, тогда мне удастся...» – Не успел он закончить мысль, как услышал, что его окликают:

– Синьор!

Карло обернулся и увидел, что его нагоняет один из «кабинетных». Это был щуплый невысокий парень в форме, совсем молодой.

– Не обращайтесь внимания на этих болванов. Они совсем одурели от жары и безделья. Вы сказали, что хотите расследовать дело поезда-призрака? – Карло кивнул. – Они вам не помогут. Дело такой давности никто не захочет ворошить.

– Что же мне делать? – спросил Карло.

– Вы могли бы поговорить с начальником, но неизвестно, пойдет ли он вам навстречу. Не могу знать, насколько серьезно он отнесется к этому всему... Дело в том, что для многих местных случай с поездом – что-то вроде сказки на ночь. Все жители Ланцио знают, что это событие имело место, но из-за давности лет история выглядит настолько неправдоподобной, что никто особо не вникает в ее подробности.

– Sì, меня уже предупреждали об этом.

– Но для меня этот случай больше, чем городская легенда. Поезд унес с собой мою прабабушку. Бабушка, конечно, не помнит ее, она была тогда совсем маленькой. Но в душе она так и не примирилась с тем, что случилось. Дай бог ей многих лет жизни, но мне хочется сделать что-то, помочь ей успокоиться до того, как она покинет нас, – он осекся. – Синьор, ваш интерес и неравнодушие восхитили меня. Если бы наши жители имели хоть сотую долю вашего энтузиазма, это дело было бы давно раскрыто. Как вас зовут?

– Карло.

– Я хочу помочь вам. Постараюсь разузнать, где хранятся материалы этого дела. Ничего не обещаю, но лучше бы вам пока не обращаться к начальнику полиции.

– Grazie mille...

– Джованни.

– Спасибо, Джованни. Я гощу у графини Партичини, в La Casa Serena, там ты сможешь найти меня.

Когда Карло поднялся на этаж, где оставил Кристину, ему ответили, что та уже уехала домой. Доктора не нашли у нее серьезных повреждений и отправили отдыхать. На парковке машины тоже не было, видимо, ни смятый бампер, ни пережитое волнение не смогли помешать ей снова сесть за руль. «Поверить не могу, что она меня здесь бросила», – подумал Карло, но злиться у него уже не было сил. Он подошел к стоянке такси и плюхнулся на заднее сиденье. «La Casa Serena», – пробормотал он и откинулся подремать, пока шофер доставит его к месту.

Карло нашел графиню в главной зале. Комнату наполнили вечерние тени, и лишь пара торшеров над каминной полкой рассеивала сумрак. Доната сидела в кресле лицом к окну, за которым стояла густая темнота.

– Это ты, Карло?

– Да, графиня, – откликнулся тот. – Я был в городе с Кристиной.

Он решил не рассказывать об аварии, чтобы не тревожить графиню.

– Помоги-ка мне с креслом, я что-то сегодня совсем без сил.

Карло выкатил кресло в круг света, и взгляд его упал на каминную полку. Черно-белая фотография в рамке, на которой изображены трое: мужчина с крепким подбородком, женщина с мягкой улыбкой и похожий на нее мальчик.

– Мой муж Николо и сын Лоренцо. А это я. Посмотри, до чего счастливый у нас вид!

Карло взял фотографию и всмотрелся в нее. Все трое казались связанными невидимой нитью, но более всего чувствовалась связь между матерью и ребенком. Карло заметил, что голова мальчика была наклонена к ее плечу – скрытый знак особого отношения.

– Эту фотографию мы сделали на празднике лимонов в тысяча девятьсот восьмом или же девятом. В приезжей труппе имелся фотограф, он завел нас в небольшой шатер, где стояла техника, а Лоренцо все никак не желал стоять спокойно!

Карло хотел спросить, что с ними стало, но не решился задать вопрос, чувствуя, что он может причинить боль.

– Они остались так далеко в моей памяти. Не хотят возвращаться, не говорят со мной. Годы стирают воспоминания, но не боль. Лоренцо, мой мальчик, посмотри, как он похож на меня, я всегда волновалась, что он недостаточно мужественный, а ведь он был всего лишь ребенком. В то время от детей требовали слишком многого. Сейчас им позволено все, а тогда мальчиков считали лишь маленькими мужчинами, а вовсе не детьми.

Карло протянул руку и случайно задел маленькую вазу муранского стекла, которая опасно пошатнулась. Поймав ее, он с облегчением выдохнул: в этом доме каждая вещь – реликвия.

– Не переживай, – махнула рукой Доната. – Ничего с ней не случится. Она прошла через столетие и переживет всех нас.

Он поставил фотографию и присел на кушетку подле графини.

– Стоял чудесный летний день, такой же как сегодня. Только я чувствовала себя нехорошо и осталась дома. А Лоренцо поехал, я сама разрешила ему ехать, ведь он был с Франко.

– Куда?

– Я позволила ему отправиться в ту поездку, – прошептала графиня. – На поезде-призраке. – Лицо ее, наполовину скрытое сумраком, казалось, тоже вот-вот исчезнет под гнетом тяжелых воспоминаний.

– Ваш сын был на том поезде... – повторил Карло. – Он исчез вместе с остальными пассажирами? Так вот почему вы пригласили меня в этот дом! – Карло задумался и ненадолго замолчал. – Но вы назвали еще одно имя. Вы сказали Франко. Кем был этот мужчина, вы помните?

– Помню ли я Франко? Я бы хотела забыть это имя, но не могу. Франко был тем человеком, который, имея «нос», не сумел спасти моего сына.

– Ах вот как...

– Я благодарю Всевышнего, что хотя бы Энрике, моему племяннику, провидение сохранило жизнь.

– Он живет в Ланцио?

– Нет, в Тоскане. Но когда я умру, вероятно, он переедет сюда. Мне больше некому оставить мой дом. Уверена, что Энрике сумеет хорошо позаботиться о нем, из милого мальчика он вырос в хорошего, преданного человека.

* * *

На следующее утро приехала Кристина с охапкой свежих цветов. Она находилась в том же приподнятом настроении, в каком Карло встретил ее в первый день: без остановки болтала, не обращая внимания на огромный синяк на руке, и, казалась, вовсе забыла о неприятном инциденте с машиной.

– Собирайся, мне нужна твоя помощь, – распорядилась она, растолкав Карло и настезь распахнув окна. – Я хочу заехать к синьору Маурицио, бедный старик, меня мучают жуткие угрызения совести, я почти не спала, так нервничала из-за случившегося.

– Разве? Ты поэтому оставила меня вчера в больнице и укатила, не дождавшись?

- Я думала, это ты бросил меня!
- Да нет же, я только перешел дорогу, чтобы спросить кое-что у полицейских в участке, но они не захотели со мной разговаривать. Зачем ты привезла цветы?
- Я собрала для синьора Маурицио букет из сада.
- Хочешь отблагодарить его за то, что не обратился в полицию?
- Вовсе нет. Я просто беспокоюсь о его самочувствии. Так ты что, обиделся на меня? – заметив недовольное лицо Карло, она потрепала его шевелюру, и Карло беззлобно отмахнулся.
- Ты дашь мне одеться или так и будешь глазеть?
- У тебя десять минут. – Победоносно улыбнувшись, Кристина выскочила из комнаты. Карло вышел во двор, но машины не увидел.
- Я припарковала ее за домом. Не хотела, чтобы Доната расстроилась. Нужно будет потом сдать ее в ремонт. Подержи-ка цветы. – Кристина протянула охапку, когда села за руль.
- Красивые.
- Спасибо. Отец открыл лавку еще лет пятнадцать назад, мама помогала ему выращивать цветы и составлять букеты, папа вел дела. Но потом мама умерла, и вместо нее цветами стала заниматься я. Закупаю семена, слежу за садом, иногда помогаю в магазине.
- Вдобавок успеваешь ухаживать за Донатой?
- Я так и познакомилась с графиней. Сначала она заказывала у нас рассаду, а потом пригласила стать ее компаньонкой. Я сразу сказала, что не смогу подолгу бывать у нее, но ей было достаточно и этого.
- Через десять минут они добрались до места: невысокого дома у самой дороги. На веранде, окруженной аккуратным палисадником, возился с велосипедом вчерашний пострадавший. Карло с радостью отметил, что никаких последствий аварии, по крайней мере видимых, у пожилого мужчины не наблюдалось.
- Синьор Маурицио, как вы себя чувствуете? – крикнула Кристина, выходя из машины. Карло уловил в ее голосе нотки смущения, которые она старалась скрыть. Кристина протянула мужчине букет.
- Зачем они мне? – тот замахал руками.
- Возьмите, пожалуйста, – взмолилась девушка. – Мне так стыдно за вчерашнее.
- Ты, я смотрю, совсем расстроилась? – Он положил велосипед на пол и поднялся. – Да я же не отказываюсь, дитя, давай их сюда. Брось переживать, я крепкий, как кипарис, посмотри на мои руки! – И он подбоченился, выставив на обозрение худосочные мышцы.
- Кристину осмотрели в больнице, с ней тоже все в порядке, – сказал Карло.
- Ну вот и отлично. С каждым может случиться, главное, никто из вас не пострадал.
- Она боялась, что вы заявите в полицию, – добавил Карло и поймал на себе испепеляющий взгляд Кристины.
- С чего бы? Это же не она наклюкалась бутылкой мерло еще до обеда и уселась на велосипед, хотя всем в Ланцио известно: после третьего стакана центр тяжести всегда смещается. – Он похлопал себя по животу. – К тому же этим остолопам в участке лишний раз лень поднять задницу со стула.
- Так и есть, синьор! – с облегчением воскликнул Карло. – Полиция в этом городе совершенно забыла, для чего им форма.
- Тебе-то откуда знать? – Маурицио с подозрением уставился на Карло, нахмутив седые брови.
- Я был вчера в участке, разыскивал одного человека, подумал, в полиции смогут мне помочь. Хотел добыть кое-какие факты о выжившем с поезда-призрака. Вот только я не знаю, жив ли он еще. Некий Энцо Гори. Ему одному удалось спрыгнуть с поезда до того, как состав въехал в туннель, и, получается, он единственный свидетель того самого происшествия.

– О, Энцо, прохвост, – хохотнул старик. – Да жив он, живехонек, тот еще хитрец! Ничего удивительного в том, что именно он спрыгнул с поезда. Нюх у него как у старого лиса. Съезди поговори с ним, я дам адресок. Может, он и сумеет тебе помочь, хоть и не слишком любит болтать. Знаешь что, купи-ка ему вина промочить горло, да побольше, а иначе он тебя и на порог не пустит.

Разговорить синьора Энцо не составило большого труда. Поджарый аристократ в годах проживал в порядке обветшавшем доме на окраине города. С готовностью приняв подарок, он проводил гостей в дом и, откупорив бутылку, налил себе полный стакан. Оказалось, что он помнил события того дня, словно они случились вчера:

– Все жители города собрались посмотреть на тот поезд, на тех, кому повезло на него попасть, ах как нам все завидовали! А уж женщины смотрели так, словно нас кто золотом облил и на пьедестал поставил. Все считали нас счастливыми, да так оно и было. И все казалось безупречным: погода, поезд, что за прекрасная машина, до сих пор слышу этот чудный гудок перед отбытием. Мы отправились в путь. А потом явился туман. Жуткий и белый. Хотя я знаю, что это не мог быть туман, ведь светило солнце и на небе ни облачка, да и откуда бы ему взяться посреди поля?

– Опишите его поподробнее, синьор Гори.

– Если бы кто-то раскурил гигантскую трубку, вот такой он бы и получился. Тащился по рельсам прямо из туннеля, обволакивая вагоны, как будто хотел задурить всем головы. Я все думал потом, а что, если нас кто-то окурил, напустил дурман, чтобы мы походили с ума, попрыгали прочь. Но нет, никто не спрыгнул. Они радовались, словно дети, оттого что машинисту пришлось зажигать огни, вот как стало темно в том поезде. Но ни один человек не пожелал слушать, не пошел со мной, когда я решил броситься прочь, потому что чувствовал, что, если останусь, туман сожрет меня, проглотит – и баста!

Карло и Кристина внимательно слушали, не отрывая от мужчины глаз.

– Мне стало так страшно, словно сама преисподняя разверзлась передо мной, и я кричал, словно помешанный, забыв о манерах, позабыв свое имя. А они смеялись надо мной, решили, что я испугался туннеля, глупцы. Кто теперь смеется?

– Вы думаете, люди пропали из-за этого тумана?

– Если на вас бежит дикая собака, кого станете бояться – ее или ее зубов? Какая разница, что тому виной. Туман вышел из туннеля, а значит, все дело в этом проклятом Клыкке. Вы уже успели побывать там?

– Да, но мы не заходили внутрь, – ответил Карло.

– И правильно сделали, – продолжал синьор Гори. – Я бывал в других туннелях. Но ни в одном другом мое сердце не содрогалось от ужаса так, как в Клыкке. Он прорублен в скале и должен быть пуст, но в нем нет ничего от пустоты, нет ни капли земного, того, чему мы привыкли давать названия. Этот туннель набит доверху, только его дары невидимы и страшны, они проникают в самое основание, порождают в разуме жуткие кошмары. В любом туннеле видишь выход, и он успокаивает тебя, до тебя доносится теплый ветер, который летит с другой стороны. А в этом... В этом туннеле ничего не движется. Сама жизнь там остановилась. Не слышно ни шороха, ни отголоска эха, он давит на тебя, отсекает от мира, смеется над всем, к чему ты привязан. Но я не позволил сделать это с собой и сбежал, испугался, что произойдет нечто непоправимое, и оказался прав. О, как я был рад этому решению и как опечален, что остальные не послушались меня.

– Вам, наверное, пришлось очень нелегко, – попыталась успокоить мужчину Кристина.

– Я целовал статую Девы Марии каждый день и благодарил за то, что она позволила мне остаться в этом мире. Но в благодарностях я обращался к ней с вопросом, вернет ли она обратно тех несчастных? Сделает ли она их такими же счастливыми, как меня и моих близких?

– То, что вы описали, больше похоже на сон, синьор Гори. А я хотел бы посмотреть на это с рациональной точки зрения, – сказал Карло. – Попробуйте вспомнить, может, вы слышали какие-нибудь необычные звуки, перед тем как поезд зашел в туннель?

– Я слышал стук своего сердца. Именно оно подсказало мне правильный путь. Клянусь святой Эуфемией, мое сердце спасло меня в тот день.

В комнату вошла синьора Гори. Просторный сарафан с ярким орнаментом делал ее фигуру еще крупнее, а когда она присела рядом с мужем, он словно еще уменьшился в размерах. Женщина бросила неодобрительный взгляд на бутылку с вином, но не произнесла ни слова. Энцо на секунду замялся, словно размышляя, поставить ли ему бокал на стол, но решил задобрить жену иным способом:

– Моя Роза. – Он с любовью посмотрел на женщину. – Я вернулся ради нее. Чертов туман закрыл небо, изменил мир вокруг, но он не смог заставить меня позабыть ту, ради которой я родился на этот свет. Я понял, что это – моя остановка, что мне нельзя ехать дальше. Баста!

– Энцо, – отозвалась Роза, и пара обменялась нежными взглядами.

– Моя дорогая жена. *Bella, non è vero?*⁴ А тогда она была диким цветком, который я должен был оберегать. Как я мог оставить ее одну?

Карло и Кристина с улыбкой переглянулись.

– Я хорошо помню тот день, – вступила в разговор синьора Гори. – Такое сложно забыть. В Ланцио проложили железную дорогу, большая честь, подарок нашему городу от столицы. Ах, какое это было событие! Все пассажиры вырядились как на праздник, дамы в красивых платьях, мужчины в белоснежных рубашках, дети все до одного в шляпках, и у всех на устах улыбки! Вот только один из пассажиров показался мне тогда чуждым, непохожим на остальных: он постоянно оглядывался, дергался, был весь на нервах. Помню, я еще подумала, надо же, мужчина, а так боится простого поезда. А потом заметила, с кем рядом стоял тот мужчина. Тогда-то я сразу и поняла, что это за люди, ведь никто в Ланцио больше не носил таких дорожных костюмов. Никто, кроме мафии.

Синьор Энцо толкнул жену в бок, но было поздно, Кристина и Карло были все внимание.

– Вы сказали, в ту поездку отправилась мафия?

– Ну да, – нарочито безразлично произнес Энцо. – То, что на борту был мафиози, – не секрет, газеты писали об этом.

– Да, – поддакнула синьора Гори, – газеты писали, но они не сказали о том, что в руках у того странного типа, который суетился рядом с Доном, был кожаный чемоданчик.

– Чемоданчик! – фыркнул Энцо. – Опять ты со своим чемоданом. Не было там никакого чемодана. Да если и был, какой в этом толк?

– Какой толк? – возмущенно воскликнула женщина. – Как можно быть таким безразличным ко всему, кроме себя самого! – презрительно фыркнула она и перевела взгляд на гостей, пригвождая к себе их внимание. – Какой толк! А такой, что тот мужчина был единственным из всех пассажиров, кто отправлялся в праздничное часовое путешествие с багажом!

⁴ Красавица, не правда ли? (*итал.*)

Глава 5

Ланцио, Италия. 1907 год

Спустя несколько дней Франко уже полностью перебрался в Ланцио, сняв особняк с тремя спальнями в самом удобном районе города недалеко от центральной площади. Он определил себе для работы просторный кабинет с темным деревянным гарнитуром, окна его выходили на тихий абрикосовый сад – терпкий аромат разливался по комнате даже при закрытых ставнях. На мраморном полу он приказал слугам разложить любимый ковер, а на полках старинного шкафа-библиотеки разместить доставленные из Франции тома Дю Вэра и Леру. Обозрев финальный результат, он нашел новое холостяцкое жилище весьма комфортным.

В это воскресное утро Франко наконец удалось выкроить пару свободных от работы в карьере часов, и он отправился побродить по центру. Нарядные жители Ланцио возвращались из церкви после воскресной мессы, завидев Франко, они приветствовали его – на ярмарке и он, и его автомобиль произвели неизгладимое впечатление. Наслаждаясь прогулкой вдоль ярмарочных павильонов с изобилием свежих деревенских продуктов, сыра, фруктов, хлеба и овощей, он понял, что проголодался. Наскоро перекусив, Франко выпил пару бокалов вина и в приподнятом настроении решил заглянуть в главный музей города, о котором много слышал.

Рим и Ланцио всегда связывали тесные узы. И одним из свидетельств этой дружбы являлся музей, который в 1886 году римские власти с императорской щедростью отстроили в самом центре города. Из столичных музейных запасников в Ланцио перекочевали некоторые ценные экспонаты, среди которых были предметы утвари из Древней Греции и Египта, ценные фолианты, коллекция портретов итальянских мастеров. Экспозицию открывала религиозная живопись, Франко подолгу задерживался напротив каждого полотна, подмечая игру света и назидательность сюжетов. Серия миниатюр Фортуни поразила его воображение, а фрески Луини заставили пожалеть о том, что он не знает ни одной итальянской молитвы. Придя к удовлетворительному выводу, что нет лучшего плана для выходного дня, он внезапно почувствовал за спиной постороннее присутствие:

– Говорят, у вас шикарный автомобиль, синьор Легран, – послышался незнакомый мужской голос.

Франко обернулся.

– С кем имею честь говорить?

– Риччи, – жесткий взгляд пронзил Франко насквозь. – Вы не удивлены тем, что я знаю ваше имя?

– Что меня удивляет, так это избыток солнца на всех итальянских полотнах. – Франко не сомневался в том, кого видел, он давно готовился к подобному визиту. Перед ним стоял один из приближенных главы мафиозного клана Ланцио. – Взгляните на этот пейзаж, мне думается, его можно использовать вместо светильника, до того он ярок. Отчего так происходит, вы мне не скажете?

Риччи прищурился и поводит сжатыми губами, словно искал, куда бы сплюнуть.

– Любите искусство?

– Ведь мы в музее. Чем могу быть полезен? – Он выдержал взгляд собеседника, чью жилистую шею украшал пестрый шелковый платок.

– Хотел поприветствовать вас в нашем городе. Как вам Ланцио? После Парижа он, наверное, кажется вам большой деревней?

– Город и деревня различаются только количеством обитающих в них свиней. – Франко улыбнулся.

– Отличная шутка. Но не беспокойтесь, с каждым годом их тут все меньше. – Он осклабился в ответ, обнажая ряд неровных зубов. – Что ж, рад слышать, что вам здесь по нраву. Но кое-чем Ланцио и Париж все же отличаются. У нас, как, впрочем, и во всей Италии, не принято приходить в гости с пустыми руками.

– Не имею такой привычки. – Франко развел руками. – Я всегда готов порадовать хозяина дома плодами, что сумел добыть своим трудом. Все дело в том, что в силу своего воспитания я не являюсь в гости без приглашения.

– Тогда считайте, что только что его получили. Не волнуйтесь, многие допускают ту же ошибку, главное, вовремя ее исправить. Рано или поздно каждому из жителей Ланцио понадобится помощь, и тогда они знают, к кому могут обратиться за защитой.

– Не думаю, что нуждаюсь в ней.

– Не будь в этом так уверен. – Риччи перешел на фамильярный тон. – Всем и каждому нужна защита. И я бы на твоём месте не стал отталкивать руку, которая в один день сможет спасти твою шкуру. Ты на чужой территории, не забывай об этом.

– Вы знаете, сколько стоят эти полотна? – внезапно перебил Франко и обвел вокруг себя рукой. – Они бесценны. Разве не удивительно, что на свете есть вещи, которые невозможно купить? Наверное, многих это приводит в бешенство.

– Цена всегда есть, только для всех она разная. Но мы всегда готовы ее обсудить.

– Было бы удобнее, будь она фиксирована.

– Ты не на базаре. Каждая услуга стоит по-своему, и цена ее зависит от многих вещей.

– Более, чем недосказанность, я не терплю неопределенность. Я привык полагаться только на свой опыт и силы. Я не против завести здесь друзей, но смею верить, что я не из тех людей, кто с той же легкостью находит себе врагов.

– Что ж, тогда вы будете не против прокатиться?

Белоснежный «Делоне-Бельвиль» с поднятым верхом ждал на улице. Риччи сел за руль, Франко – рядом, и машина покатила по улицам под пристальными взглядами. Несмотря на роскошный вид, автомобиль не вызывал восторга у случайных прохожих. Местные жители, завидев машину мафии, прятали глаза, и даже дети не бежали вслед, а, насупившись, замирали у дороги.

Вскоре мужчины подъехали к особняку, надежно укрытому от чужих глаз густой растительностью. Внушительный забор из природного камня в два раза превышал обычный размер, по углам Франко заметил две наблюдательные вышки.

– Тебе оказана честь, – сказал Риччи, когда извилистыми коридорами громадного поместья они шли на аудиенцию. – Я не припомню других чужаков, за которыми Дон посылал собственный автомобиль.

Франко не ответил, размышляя о предстоящей встрече, которую он предвидел, но не ожидал так скоро. Он осознавал, что в первую очередь будет стоять вопрос о «дани» – обязательном для любого жителя Ланцио откупе, но удивляло Франко другое: чтобы решить этот вопрос, Дону вовсе не было необходимости встречаться с плательщиком лично. Для таких дел, он знал, у него имеются специальные люди.

– Входи, – Риччи открыл дверь, впуская Франко в комнату, перегруженную предметами интерьера: тяжелые гардины, создавая полумрак, закрывали большую часть окна, дубовый стол на витых ножках, картины в позолоченных рамах. На фоне темных настенных панелей они смотрелись по-особенному мрачно. В этой комнате, казалось, каждый предмет был подчинен воле хозяина. Все, кроме его собственных волос, завивавшихся в непослушную волну и не желавших держаться в причёске.

Гвидо Антонелли сидел в кресле. При виде гостя лицо его расплылось в сердечной улыбке. Все в его облике показалось Франко преувеличенно большим: сигара в пальцах, сами

пальцы, слишком широкие брови, мясистые губы и даже кресло, очевидно сделанное на заказ. И все же обаяние Дона Антонелли было сильно настолько, что Франко не смог сдержать ответной улыбки и шагнул навстречу, позволяя чересчур пронизательным глазам рассмотреть себя.

– Я вижу, вы уже оценили моего *капореджисте*⁵, – сказал Дон, указывая на спутника Франко. – Мой верный пес, Риччи, сколько всего мы пережили вместе, а он все еще здесь. Садитесь, Франко – или же, вернее сказать, синьор Легран? Я надеюсь, мы не нарушили ваши планы? Я сам, словно филин, оживаю только к вечеру и по стариковской привычке полагаю, что так поступают и все остальные.

– Не беспокойтесь об этом.

– Выпьете коньяка? – Дон приподнял графин с барного столика и взялся за крышку. Франко кивнул. Он не любил коньяк, но начинать знакомство с отказа не решился.

Франко отметил, что Дон Антонелли предпочел собственноручно разлить алкоголь, что тоже, конечно, говорило о его особом отношении, но Франко пока не мог сделать вывод, откуда оно взялось. Он огляделся и заметил за столом в углу еще одного мужчину, погруженного в изучение большой, прошитой нитками тетради. Человек этот был до того неприметен, что, повстречайся он на улице, Франко прошел бы мимо, не удостоив вниманием. Но француз знал: среди приближенных Дона не бывает случайных людей. И по тому, с какой уверенностью держался «незаметный», Франко понял, что перед ним, вероятнее всего, *консильери*, главный советник Дона.

Гвидо Антонелли наконец позволил Франко занять глубокое кресло по левую руку, что тот и сделал, заметив на столике рассыпанную колоду карт.

– Так, значит, мы теперь соседи?

– Похоже на то.

– Намерены остаться у нас надолго?

– Если тому будут благоволить обстоятельства. После стольких лет во Франции захотелось сменить пластинку.

– Каждая новая пластинка играет по-новому. Что вы можете сказать о Ланцио?

– Этот город полон достойных людей.

– Верно подмечено, – удовлетворенно проговорил Дон. – Честь у нас в почете. Мой отец говорил, что честь – это богатство бедняка и оружие богача. Мне приятно слышать, что достойные понятия для вас не пустой звук. Но как же так вышло, дорогой Франко, что человек, знакомый с честью не понаслышке, не сумел проявить ее там, где она требуется более всего?

– Я не совсем понимаю...

– Я человек великодушный и могу понять, что иностранцу бывает трудно приноровиться к незнакомому укладу жизни. Но все же вам стоило посоветоваться, прежде чем приобретать землю в моем городе. – Прищурившись, он посмотрел на Франко, а потом сделал радушный жест громадными руками, и пропахший сигарами и алкоголем воздух качнулся. – Хотя бы просто потому, что я мог бы посоветовать вам участок получше того, что вы так поспешно приобрели.

– Я считаю земли вокруг Клыка весьма перспективным месторождением.

– Не будем торопиться. Я не настолько дурной хозяин, чтобы позволить себе обидеться на гостя, не успевшего даже допить коньяк. Поверьте, я вовсе не хотел, чтобы вы почувствовали себя здесь чужим. Ланцио – прекрасный город, и, я уверен, вы сможете сделать его еще прекраснее.

– Благодарю.

⁵ *Caporegime*, *Сапо* (*итал.*) – подчиняется непосредственно главе криминальной «Семьи» или его заместителю, руководит «солдатами» – младшими членами организации.

– К слову сказать, не могу не отметить, до чего же хорош ваш автомобиль! Чтобы владеть таким, необходимы деньги, и немалые.

– Ваш тоже неплох, – не остался в долгу Франко. – Во Франции я был крупным землевладельцем, земля, доставшаяся мне от родителей, кормила несколько деревень. Со временем я установил на полях мельницы и расширил границы поставок. У меня большой опыт в этом деле.

– *Chi è avvezzo a fare, non si puo fermare*⁶. Но все же сменили сферу деятельности, приехав сюда. Почему не купили земли на юге?

– Я решил, что выгоднее будет заняться добычей здесь.

– Не все же в этом мире делается ради выгоды! Люди – вот что самое главное. Вот кому постоянно требуется защита.

– Не могу не согласиться.

– Когда правители бросали земли на произвол природы, оставляя их в руках несчастных рабочих, предоставляя самим бороться с засухой и наводнениями. Только и знали, что собирали деньги на развлечения в Риме и Неаполе... Кто был вынужден батрачить и платить эту дань ежемесячно? Люди. Люди, что остались на этой земле, что сердцем прикипели к своему дому, не желая покидать его даже в самый темный час. Кто давал им защиту и убежище, которых не мог дать больше никто? Это были мы. Мои отцы и деды делали это тогда, и я продолжаю стоять на их твердом пути. Люди – вот самая большая ценность моего города, Франко. Я горжусь тем, что мои дети и внуки дышат с этими честными тружениками одним воздухом, и слежу, чтобы этот воздух оставался чистым как можно дольше. Никто не смеет загрязнять воздух моего города.

– Я понимаю, Дон Антонелли. И поэтому, как я уже сказал, хочу доказать вам искренние намерения сделать свой вклад в процветание города и его жителей. И пока я занимаюсь разработкой карьера, то подумал, что лучшей благодарностью с моей стороны может стать помощь в организации вашего нового бизнеса.

Ответ прозвучал как обычная реплика, и даже опытный слух Дона Антонелли поначалу не уловил в нем заложенного Франко смысла.

– О каком бизнесе ты говоришь?

– О бизнесе, способном приносить вам чистый и стабильный доход. – Франко с вызовом посмотрел в глаза Дона.

– Что ты мне предлагаешь?

– Я предлагаю вам заняться лотереей.

В комнате стало тихо. *Консильери* оторвал взгляд от бумаг и направил долгий, изучающий взгляд на Франко. Риччи привстал со стула, готовый броситься по команде хозяина. Лицо Дона Антонелли посерело.

– С каких это пор балаган стали называть бизнесом?

Не теряя самообладания, Франко ответил:

– В этой стране существует только одна официальная игра в лотерею. Она учреждена правительством Италии, и доходы ее идут туда же. И эти доходы столь велики, что подсчитать их не представляется возможным. Мое краткое путешествие по Италии показало, с каким увлечением играют в лотерею жители Ланцио и других итальянских городов, нигде еще я не встречал такого азарта, ни в одной стране мира! Люди играют не ради выигрыша, а из-за радости, которую получают, принося домой билет, собираясь всей семьей и выбирая номер. Всем сердцем они жаждут удовольствия, которое не стоит им почти ни гроша. Но оно же способно принести вам миллионы.

⁶ Тех, кто привык работать, не остановить (итальянская пословица).

Дон Антонелли внимательно смотрел на Франко. Несколько минут он размышлял, закинув ногу на ногу, а потом взял со стола карту и, что-то черкнув, положил ее в нагрудный карман.

– Это потребует больших связей в Риме, – наконец произнес он и с улыбкой добавил: – Но я думаю, это можно будет уладить.

Он поднял бокал и подождал, пока Франко протянет свой. Звон стекла прозвучал финальным аккордом, возвещающим об окончании аудиенции.

Франко поднялся.

– Да, и еще, небольшая формальность. – Дон Антонелли кивнул «незаметному» в углу комнаты. – Марко, проводи синьора Леграна в кабинет, вам пора обсудить с ним его текущий бизнес. Чтобы он не решил, что разговоров о лотерее будет достаточно. – Дон Антонелли преувеличенно широко улыбнулся. – И не забудь захватить учетный журнал.

Глава 6

Ланцио, Италия. 1972 год.

– Ты думаешь, мафия может быть причастна к исчезновению поезда? – спросила Кристина, когда они покинули дом синьора Энцо и приехали в город, чтобы прогуляться и обсудить полученные сведения.

– Трудно сказать, – задумался Карло. – В этом деле все давно поросло травой, и у меня пока что больше вопросов, чем ответов.

– Да, ты прав. Энцо не показался тебе сумасшедшим? Он столько пьет, что, если он все выдумал?

– Непохоже. Если он что и преувеличил, то, скорее всего, незаметно. Люди в возрасте часто путают вымысел с правдой, трудно сказать, что у него на уме. Меня больше заинтересовал мужчина с чемоданом, о котором говорила синьора Гори. Интересно, кто он?

– Наверняка один из мафиози. Они же вечно таскали с собой гору оружия. Черт, кажется, я проголодалась.

Кристина остановилась напротив кафе навынос. Они набрали два пакета с закусками и уселись на лавку в тихом дворике, подальше от шумной улицы. Не успели они разложиться, как откуда ни возьмись появился Джованни, отзывчивый парнишка-карабинер. Как и в прошлый раз, он был облачен в полицейскую форму.

– Чао, Карло, Кристина. Приятного аппетита!

– Джованни, рад видеть! Садись, поешь с нами.

– Не могу, я на дежурстве, – с неохотой проговорил он, сглотнув.

– Да брось, смотри, какие колбаски.

– Ладно, только одну. – Он жадно зажевал. – Хорошо, что я вас заметил, я нашел дело поезда-призрака! Но оно хранится не у нас, мы сдали его в римский комиссариат еще в тысяча девятьсот тринадцатом. Правда, кое-что я сумел раздобыть. Сейчас, погоди. – Он вытер руки предложенной Кристиной салфеткой и достал из внутреннего кармана бумаги. – Вот, взгляните, это списки пассажиров, имена всех шестнадцати человек, которые находились в поезде. В том числе и моей прабабушки. Вот она, Серена Тиволи. – Он ткнул пальцем в список.

– Смог найти еще что-нибудь?

– Нет. В комиссариате больше ничего не осталось. Все основные материалы хранятся, если еще хранятся, в Риме. Но я сделал запрос, не гарантирую, что они ответят скоро, все-таки мы в Италии.

Карло, позабыв про еду, углубился в бумаги, Кристина, жуя бутерброд, встала за его спиной, пыталась разобрать витиеватые буквы, выведенные чьей-то рукой в далеком 1911 году:

– Ева Гоцци, Гвидо Антонелли, Фабио Фини, Франко Легран, Энцо Гори, Виктория Brent, Маддалена Ди Пьетро, Лоренцо Коломбо, Эрнесто Балди, Лука Росси, Марция Росси, Томазо Альбани, Клара Альбани, Серена Тиволи, Риччи Манчини, Беатрис Перла.

– Здесь одна фамилия – английская. Brent. Это странно.

– Взгляни сюда! Тут стоит имя Гвидо Антонелли. Это же дедушка нынешнего Дона, Чезаре Антонелли.

– Нынешнего Дона? Хочешь сказать, что мафия существует и по сей день?

– Ты с Луны свалился? Мафия никогда не умрет, она как кровь в венах – тихо течет, поддерживая твою жизнь. И ты не замечаешь ее до той поры, пока не порежешься.

– Отлично сказано. Может, ты еще и знаешь кого-то из Семьи?

– Нет. Да и мало кто в этом городе знает. Это закрытый организм, чужих туда не допускают, да и ни к чему такие знакомства, честно говоря.

- Я надеялся, что это безопасно.
- Ездить на поездах тоже безопасно, но посмотри, что вышло.
- Я хочу поговорить с Доном, – решительно сказал Карло.
- Не выйдет. Попасть на прием может только тот, кого приведет его приближенный.
- Да брось, его дед пропал в этом поезде. Он должен быть заинтересован в этом деле не меньше меня!
- Эй, друзья, может, подождете, пока я уйду, прежде чем обсуждать встречу с мафией? – подал голос Джованни.
- А знаешь, может, ты и прав, – отозвалась Кристина, не обращая внимания на полицейского. – Дай мне время подумать. А пока что я хочу доесть, если ты не против.

* * *

В доме царило непривычное оживление. Немногочисленные слуги Донаты то появлялись, то исчезали в просторных коридорах. Карло заметил на пороге чемоданы и большие продуктовые пакеты.

- Кажется, приехал Энрике, – проговорила Кристина.
- Племянник Донаты?
- Странно, что ему могло понадобиться. Он приезжает только раз или два в году, в основном на Рождество и на день рождения графини.

Тут же послышались громкие шаги, и появился племянник Донаты – Энрике Партичини, поджарый мужчина того типа, кому седина служит украшением. На вид ему можно было дать не больше шестидесяти, однако, по подсчетам Карло, выходило, что тому должно быть гораздо больше.

– Ты Карло? – зычным голосом спросил он, бесцеремонно осматривая молодого человека.

- Да, синьор Партичини. Добро пожаловать.
- В мой собственный дом? – скривился мужчина. – Неслыханная наглость!
- Прошу прощения.
- Доната рассказала мне, зачем ты здесь. Есть успехи?
- Я ведь только приехал, едва ли я бы сумел так быстро...
- Это дело ждало столько лет, не думаю, что стоит теперь спешить.

В это же мгновение появилась и сама графиня. Ее коляску катила горничная.

– Энрике, дорогой мой! Как твои дела, как Мария, дети? Ты надолго к нам? Надеюсь, в этот раз ты останешься подольше.

– Они в порядке, как всегда. – Он наклонился и расцеловал графиню в обе щеки. – Хочу задержаться недели на три. Нужно решить кое-какие дела.

– Замечательно! Нужно было взять Марию и детей с собой, тогда дом снова был бы полон. Ты уже познакомился с моим гостем?

– Да, графиня, мы только что встретились, – отозвался Карло. – Я как раз планировал рассказать вашему племяннику, что нам удалось немного продвинуться в расследовании, сегодня мы встречались с выжившим пассажиром, Энцо Гори, удивительно, что он еще жив, ведь столько лет прошло! – Он бросил взгляд на Энрике. – Ах да, чуть не забыл, и еще у нас теперь есть списки пассажиров.

– Списки? – переспросила графиня. Голос ее надломился. – Дай мне их, – прошептала она, и Карло протянул ей истрепанные временем листы.

– Мои глаза уже совсем ничего не видят, – горестно произнесла она и, положив руку поверх бумаги, закрыла глаза. Ее губы задрожали, Карло заметил, что с ресниц капнули две слезинки. Он почувствовал острое желание взять графиню за руку, но близость Энрике, сто-

явшего позади коляски и державшего ее ручки, остановила его порыв. Спустя минуту Доната открыла глаза и, вернув Карло список, посмотрела на своих гостей:

– Что ж, жду вас всех к обеду, ровно в два.

В комнате Карло уже успели прибраться и застелить свежее постельное белье. На тумбочке у кровати стоял графин с чистой водой, ставни заботливо прикрыты.

– Благослови Господь этот дом и всех его горничных, – сказал Карло, падая на прохладную постель. Кристина завалилась рядом, и оба засопели, неспособные пошевелиться после сытного обеда, который устроила Доната.

– Если бы я знала, что будет столько еды, то не стала бы давиться бутербродами на улице.

– Если бы не твоя ненасытность, мы не встретили бы Джованни и не получили список пассажиров.

– Кажется, я сейчас лопну.

– Как насчет попкорна?

– Хватит издеваться! – простонала Кристина, держась за живот.

– Нет, я серьезно. Попкорн можешь не есть, давай просто сходим в кино?

– Да, с тобой точно не заскучаешь!

– Ну давай же, я приглашаю. В кинотеатре премьера «Великолепной Антонии».

– Нет, Карло, как представляю, что придется сейчас встать и ехать куда-то по этой жаре...

Лучше я останусь здесь и немного посплю, ладно? Обещаю, что не отключусь до утра.

– Спи, – пробормотал Карло, ощущая, что сытость тоже действует на него словно снотворное.

– Ты никогда не думал о том, что во сне все люди одинаковы? – проговорила Кристина. – Во сне человек – словно чистый лист. Он спит и, пока не вернулся в этот мир, может казаться кем угодно. Развратница и монахиня, бандит и святой – во сне между ними нет никакой разницы. Глядишь на спящего, думаешь, что он отличный мальчик, но вот он проснулся и уже обчистил твои карманы.

– Хочешь сказать, что утро расставляет все по своим местам?

– Наверное. А может, во сне люди просто забывают, кто они на самом деле.

–словно пассажиры в том поезде. Пока мы не выяснили, что с ними случилось, они могут быть где угодно. Возможно, они до сих пор едут и все гадают, почему так задерживаются. Но если только их найти... Знаешь, я немного боюсь того, что могу найти их. Сначала я очень этого хотел. Успех в газете, признание шефа и коллег, я так хотел выделиться, заставить гордиться мать и наконец-то самому начать уважать себя за то, чем занимаюсь. Когда я узнал об этом деле, то все представлял себе какое-нибудь простое объяснение. Что-то вроде массового гипноза, ну, скажем, поезд на самом деле выехал из туннеля, просто никто этого не увидел... Но теперь я знаю имена всех пассажиров, и они стали для меня настоящими. Люди со своей историей, мечтами, желаниями. Я знакомлюсь с их родственниками, вижу их вещи. Я к ним так близко, что теперь понимаю: назад пути нет.

Кристина уже засыпала, убаюканная его спокойным голосом. Лежа с закрытыми глазами, она медленно, с трудом разделяя слова, пробормотала:

– Я понимаю, что ты журналист, а не сыщик... Но скажи на милость, почему ты так заиклился на пассажирах? Разве тебя совсем не интересует машинист?

Повисла пауза. Наконец пораженный Карло воскликнул:

– Ну конечно же! Я совсем не подумал о машинисте! Ты права, какой же я болван, совсем забыл и про него, и про компанию-производителя. Ведь все они могут быть в этом замешаны. Мне приходилось писать о стольких страховых случаях, как я мог не подумать об этом! – Он взволнованно сел на кровати. А потом в порыве чувств наклонился и поцеловал Кристину в щеку.

– Ты просто чудо! – воскликнул он, но она не ответила, дневной сон окончательно одолел ее.

Ланцио, Италия. 1907–1909 годы

Франко быстро стало ясно, кто является незримым правителем Ланцио. Дону Антонелли было подвластно в этом городе все: он контролировал виноградники, мельницы, аграрную и горнодобывающую промышленность, поставки алкоголя. Он имел почти безграничную власть во всех сферах жизни города, однако этой властью не злоупотреблял, применяя свое влияние дозированно, как сильнодействующее лекарство. Жители Ланцио испытывали уважение к Дону, замешивая эти чувства на собственном страхе. Парадоксальным образом их опасения дарили ощущение защищенности: они были уверены, что человек, способный вызывать священное почтение, непременно вызовет страх и в их враге.

Франко стал вхож в дом к Дону Антонелли на правах близкого друга. После его предложения об открытии лотереи в Ланцио Дон Антонелли связался со своим человеком в правительстве Рима, и им удалось протолкнуть нужный закон, дававший право на открытие частной лотереи. С того самого дня LanziaLot – лотерея Ланцио – стала бить все мыслимые и немыслимые рекорды популярности. Жители города до того гордились тем, что у них появилась собственная лотерея, что чуть ли не каждый день покупали билетик в надежде на удачу. После невероятно крупных выигрышей, которые по совету Франко было позволено сделать парочке местных, продажи билетов ЛанциоЛот возросли втрое. Французу доверили поставить лотерею «на рельсы» и заняться ее организацией. Как и предсказывал Франко, она, встретив невероятный успех, стала приносить стабильный высокий доход. Основная его часть шла в Семью, другая часть – на выплату чиновникам в Риме, и небольшая, но круглая сумма регулярно оседала в карманах самого Франко.

С удивлением он все больше узнавал, как далеко простирались связи Дона. Тот был на короткой ноге с главой местной церкви, у Семьи имелся личный врач и крепкие дружественные отношения с большинством чиновников всех рангов в Ланцио. Гвидо Антонелли познакомил Франко с адвокатом, который регулировал все сделки Семьи, и после недолгих раздумий Франко поручил ему вести и собственные дела. Он все еще продолжал удивлять Дона, повышая свой авторитет в его глазах, как это однажды случилось за игрой в брисколу, где увлеченные картами участники обсуждали дела. Один из гостей Дона, крупный землевладелец из Умбрии, жаловался на падение доходов в связи с регулярными забастовками.

– У вас уже случались подобные вспышки недовольства? Как вы решали их?

– Никак, – ответил аграрий. – Со временем все становилось на свои места.

– Но очевидно, что недовольство растет, накапливается, и не дать ему выхода будет себе дороже. Советую вам пойти им навстречу. В чем заключаются их притязания?

– Ну, разумеется, они хотят повышения оплаты труда, – фыркнул земельщик.

– Дайте им это повышение.

– Синьор Легран, если идти у слуг на поводу, то не заметим, как поменяемся с ними местами.

– Так быстро это не произойдет, вы и сами знаете, – ответил Франко. – Но если вы не пойдете им навстречу, то в результате пострадает производство. Предлагаю выслушать их жалобы и выплатить деньги. Но выдать их иным способом, например введением праздничных премий.

– Так решаются дела во Франции?

– Это универсальный принцип, с детьми он тоже работает, – усмехнулся Франко.

– Мой отец считал, что спор с ребенком невозможно выиграть.

– Без сомнений, он прав! Вы ведь пойдете на их уступки, только со своими условиями.

В таком случае решаются три проблемы: вы не теряете авторитет, сохраняете производительность и в то же время выполняете их требования. Кроме того, не забывайте, в Италии все еще

самый длинный рабочий день в Европе. Что, если сократить его, оставив людям больше времени на отдых, это изменит их настрой.

– Вот он – совет настоящего француза! Вам всегда было больше дела до человеческой души, чем всем остальным. Что ж, я попробую сделать, как вы советуете.

Дон Антонелли с удовольствием наблюдал за Франко. Ему импонировала уверенность этого иностранца, который знал, о чем говорит, и всегда находил возможность дать ценный совет. Его знания, сноровка и уверенность в себе выделяли его из всех, с кем имел дело Дон. А знал он многих.

Дон Антонелли был не просто связан с «высокими» людьми в парламенте, он являлся причиной, по которой они там оказались. Таким образом, он был в курсе политической ситуации в стране и мог влиять на нее тем или иным способом. Он мог «поставить» или «снять» человека, и получившие место на верхушке были бесконечно обязаны своим назначением Дону, не упуская возможности отблагодарить его при любом удобном случае. Со временем Франко осознал, что влияние и власть мафии помогли ей сформировать свой собственный кабинет власти. Это была неофициальная сила, которая стала одновременно и берущей, и дающей рукой. Бедные жители искали у Дона защиты, зажиточные – стремились упрочить с ним связи. «Решить дело» через Дона Антонелли было быстрее и надежнее, чем официальными способами. В итоге Гвидо Антонелли превратился в глазах Франко в некую фигуру повелителя, глубоко и идейно преданного своему предназначению. «Uomini d'onore – люди чести», – любил повторять Дон о своих приближенных, облекая собственные деяния в заслуги горделивого вершителя судеб, чье слово должно быть первым и последним. Он не терпел тех, кто пытался обмануть или нажиться на добропорядочных горожанах, ведь таким образом клан терял прибыль. При этом любой из жителей города, кто не выказывал должного почтения к клану, справедливо наказывался. Франко был свидетелем унижительных расплат. Люди, не желавшие идти с Доном на сотрудничество, теряли все и, сломленные, все же приходили на поклон, чтобы вернуть надежное покровительство. Франко не мог одобрять подобные методы, но личное мнение он никогда и нигде не посмел бы высказать. Он принял условия игры, и тот факт, что Семья во главе с Доном способна влиять на приговоры суда, был на руку растущему бизнесу Франко.

Работы на его карьерах постепенно набирали обороты. Месторождения меди оказались бедными, как и предсказывал Николо, но Франко не терял надежды однажды наткнуться на золотую жилу. А пока дела шли своим чередом. В течение двух лет из продуктивной толщи он смог добыть достаточно известняка, чтобы открыть небольшую фабрику по производству цемента. Он сумел наладить и поддерживал связь с «сильными мира сего» Ланцио и часто посещал светские приемы, на которые не скупилась жители преуспевающего города. Истории из путешествий и обаяние иностранца стали его визитной карточкой. Все хотели принимать Франко Лиграна у себя, и он не успевал отвечать на приглашения.

Незадолго до празднования нового, 1909 года он получил изготовленное вручную приглашение от Донаты, на котором хозяйка акварелью изобразила новогодние атрибуты, однако праздничному ужину не суждено было состояться. 28 декабря в Мессинском проливе произошло землетрясение с магнитудой 7,5 балла. Следом за землетрясением поднялась волна цунами, которая ударила по прибрежным городам Италии. Ланцио, по счастью, не затронуло, но силой толчков и ударом волны Мессина, Реджо-Калабрия, Палми и десятков других городов оказались буквально сметены с лица земли. Италия погрузилась в траур. Правительство отменило все новогодние празднования, страна набросила черную вуаль. Трагические события не могли не сказаться на бизнесе Франко и других дельцов Ланцио: потребность в цементе, который был необходим для восстановления разрушенных городов, возросла вдвое, но, в отличие от некоторых нечистоплотных производителей, он не стремился повысить цену на свой товар.

Франко отправился напрямик в разрушенные города, где работал в качестве добровольца, помогая волонтерам из Красного Креста разбирать завалы и выносить тела из-под руин. Он жертвовал цемент небольшим стоящим особняком городкам, к которым помощь шла слишком медленно, и вернулся в Ланцио едва ли не героем, приобретя новые сферы сбыта для будущих поставок цемента. Тем самым он еще больше укрепил позиции лидирующего производителя, но теперь был вынужден тратить много времени на организацию транспортировки и заключение новых договоров. Все чаще он покидал Ланцио, отсутствуя порой неделями, что не могло не сказаться на его самочувствии.

После очередной долгой дороги Франко выглядел осунувшимся и изможденным, но бездействие не входило в его привычки, и, только вернувшись и крепко отоспавшись, на следующее утро он решил наведаться на виллу Партичини.

Донату и Лоренцо он нашел на террасе. Мальчик играл в мяч, Доната наблюдала за сыном, расположившись в плетеном кресле. Франко приветственно обнял Донату и махнул рукой мальчику. Тот, завидев гостя, бросил игру и подбежал, даже не пытаясь скрыть восторг от встречи с другом отца.

– Вы разминулись с Николо, – сказала Доната. – Он уехал вместе с Марио.

– Боюсь, я не знаю, о ком речь.

– Это мой брат, приехал вчера. Думаю, они скоро вернуться, он не из тех, кто любит занимать себя делами. Лоренцо, ну прекрати же скакать! – одернула Доната сына.

– Ты подросток, – заключил Франко, с улыбкой осматривая ребенка.

– А вы похудели, – ответил мальчик. – Это потому, что видели мертвых там, в городах?

– Лоренцо! – повысила голос Доната.

– Все в порядке, это всего лишь детское любопытство. Да, я их видел, хотя я бы предпочел ответить «нет», но, к сожалению, каждое мое путешествие оказалось наполнено скорбью. Мне понадобились все мои силы и мужество, чтобы помочь другим справиться с несчастьем, но я взрослый, и нам положено решать подобные задачи. Пока рядом взрослые, ты можешь ни о чем не волноваться! – Франко похлопал мальчика по плечу. – А как дела в школе, ты хорошо учишься?

Лоренцо выразительно закатил глаза, показывая, что тема ему вовсе не по душе. Франко засмеялся:

– Ну ладно, хотя бы ответь, как поживает твоя подружка?

– Беатрис? – вспыхнул мальчик. – Хорошо.

– Пойдем в дом, – предложила Доната. – Хочешь перекусить?

Но не успели они переступить порог, как послышался приближающийся стук копыт, и вскоре на подъездной дорожке показались лошади с всадниками. Николо уверенно восседал в седле, следом, неловко подпрыгивая, подъехал запыхавшийся лысеющий мужчина – похоже, это и был брат Донаты. Короткие ноги охватили округлые бока мареммано – Марио изо всех сил старался не вывалиться из седла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.